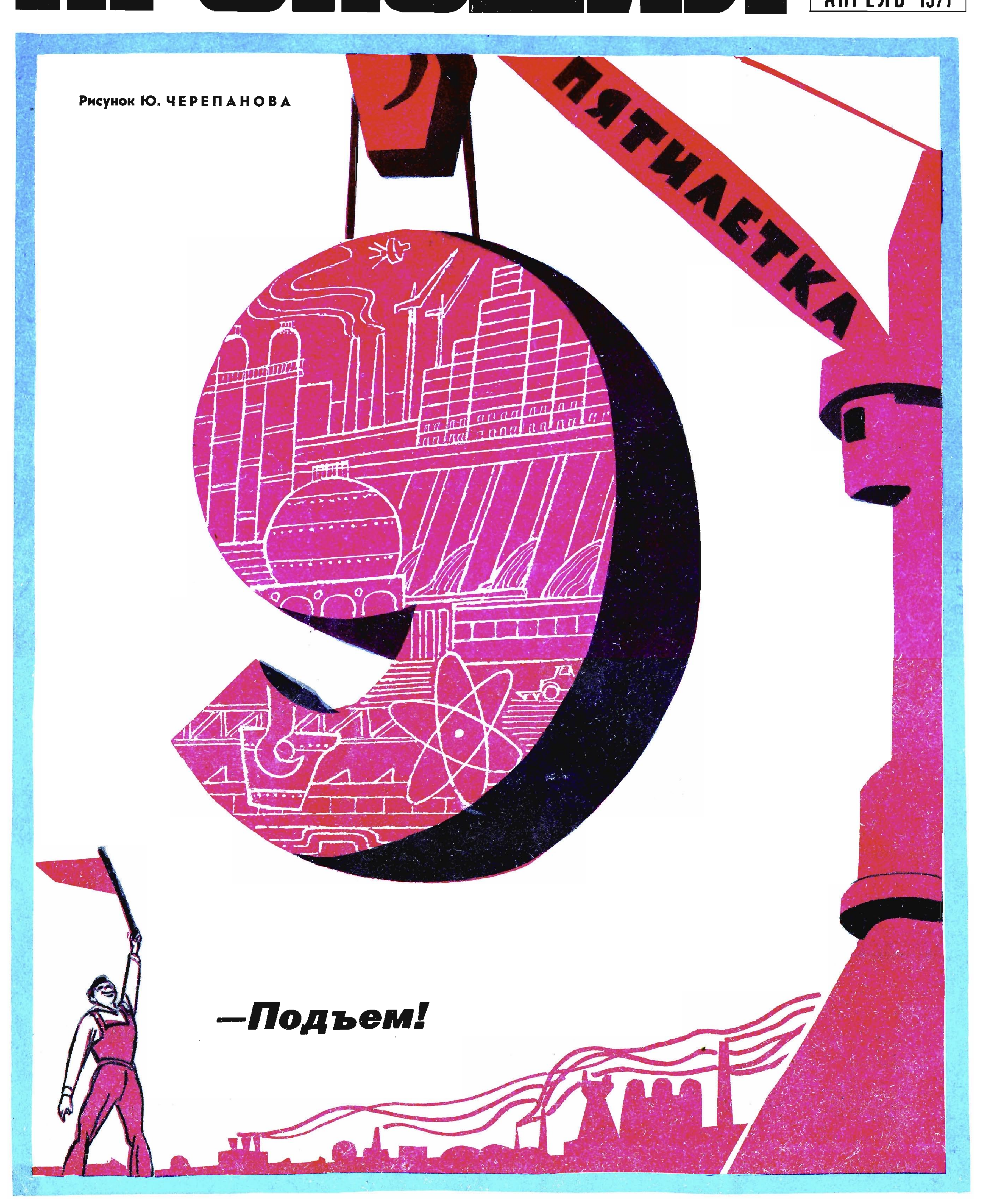
КРОКОДИЛ
№ 11
АПРЕЛЬ 1971

XXIV

Степан ОЛЕЙНИК

«Все — людям!» —
читаем. И гордо
Грядущему смотрим в глаза.
— Кто против!
Но веско, но твердо
Звучит
всенародное
ЗА!
«Лишь труженик честный,—
читаем,—
Владелец всего, что вокруг!»
Все — ЗА!
(Как ни горько лентяям
Единство взметнувшихся рук.)
«Все — людям,—
за труд, по заслугам!» —
Цеха повторяют, лучась.
Все — ЗА!
(Разве только хапугам
В ответ воздержаться б сейчас.)
«Все — людям!» —
а значит, в работе
И темп и размах возрастет.
Мы — ЗА!
(Чье-то злобное «против»
У нас, у советских, не в счет.)
«Все — людям!» —
как эхо, машины
Рокочут, спеша на поля.
И, руки зеленые вскинув,
— Я — ЗА! —
голосует Земля.
Все — людям! —
поет вешний ветер.—
Развейся, война, как гроза!..»
— Кто ЗА!
Большинство на планете.
Сердца всех трудящихся —
ЗА!

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

Э. ГАЙ, Б. ГАНИН, специальные корреспонденты Крокодила

НА УРОВНЕ

Деловая беседа соавторов, из которых один рассказывает, другой ему поддакивает либо возражает.

— Начнем с названия. Как это будет у нас называться?

— Может быть, просто «Ниже уровня моря»?

— Слишком уж просто.

— Зато сразу видна какая-то экзотика. Впрочем, название подберем. Главное — получше начать, поинтереснее.

— Ну, тут изобретать нечего. Все путевые заметки, как известно, начинаются одинаково: «Пассажиры застегнули привязные ремни, и самолет сразу начал снижаться. Земля постепенно приближалась. Уже можно было различить...»

— Увы... Сверху можно разглядеть лишь ярко-коричневую полупустыню да кусок Каспийского моря, до краев наполненного зелеными чернилами.

— И все же не будем нарушать удобную традицию.

— Не будем. Под крылом мелькнул город Шевченко. Уже можно было различить: башню телецентра, краны морского порта, внушительные сооружения ТЭЦ...

— Так, так. Это звучит. Это уже интересно.

— От аэропорта до города автобус довозит минут за десять. Этого времени вполне хватает, чтобы набраться совершенно новых впечатлений. Сначала видишь кругом голую до неприличия песчаную равнину. Горизонт невероятно далеко. Настолько далеко, что еле различимые темные холмы вполне можно принять за вершины Тянь-Шаня, лежащего на том конце обширного Казахстана. И вдруг правее, там, где подразумевается море, над песком появляются многоэтажные дома.

— Похоже на мираж?

— Похоже на город. На молодой город Шевченко, выстроенный целиком за последнее десятилетие на пустынном полуострове Мангышлак. А этот полуостров в смысле климата отнюдь не сахар.

— Так стоило ли начинать строительство в столь неуютном месте?

— С точки зрения геологов, место как раз наизаманчивое. Мангышлак полон нефти. Природа ведь вообще поместила свои нефтехранилища в разные экзотические места, вплоть до дна морского.

— Значит, местожительство нефтяников она определила давным-давно, на миллион лет вперед?

— Вот именно. «Строить или не строить?» — так вопрос не стоял. Но строить можно было по-разному. К примеру, развести стадо бараков; потом сломать их — построить домики; потом сломать домики — воздвигнуть капитальные здания. В Шевченко этого не было, весь город — оригинальный архитектурный ансамбль. При этом на каждый дом в отдельности тоже весьма приятно смотреть.

— Город без окраин?.. Выглядит, как заголовок. Заголовка-то у нас пока нет.

— Окраина существует. Но она оказалась внутри. Это несколько домиков, с которых начинался город. Они окружены четырехэтажными корпусами. Дальше у моря стоят девятиэтажные дома. А еще дальше, где пока что кончается город, видны одиннадцатиэтажные. Поговаривают о шестнадцати этажах.

— Значит, мы должны сообщить читателю, что строительство еще не закончено?

— Я бы сказал — только началось. Во время последней переписи в городе насчитали 50 тысяч жителей. Сейчас можно видеть 7 микрорайонов. На синьке у архитекторов их 10. А в генплане присутствуют 37. Жить в них будут около 200 тысяч шевченковцев.

— Ну, теперь следовало бы сказать о природных условиях, главным образом отрицательных.

— На Мангышлаке их целый букет. Африканская жара и пыльные бури гармонично сочетаются с полным безводьем.

— Ничего себе букетик!

— Единственный букет, который здесь можно собрать. Не полупустыня, а скорей — почтипустыня. Вот и попробуй в такой обстановке создать зеленый город, дать людям привычные городские удобства. Но архитекторы попробовали и справились. Ведь весь город — это одно симпатичное детище Ленинградского государственного института комплексного проектирования.

— Плод богатой фантазии зодчих...

— Не только богатой. Но главное — деловой.

— Деловая фантазия? Оригинальное словосочетание и тоже просится в заголовок.

— Без этого вряд ли что-нибудь получилось бы. У архитекторов на стенах висят романтические эскизы. А рядом чертеж, где точно показано, как солнце смотрит в окна в разное время дня и в разные времена года. Солнце, пожалуй, основной противник планировщиков. Поэтому главная задача — как ни подозрительно это звучит — бросить тень на город. И тень бросают. Каждая квартира имеет лоджию глубиной метра в полтора. В каждом микрорайоне дома расставлены в аккуратном беспорядке, чтобы по возможности стеснить действия солнца и ветра. Между прочим, вот забавный заголовок «Шевченко — город без улиц».

— Интересное предложение. Но читатель спросит: что же есть в этом городе?

— Свободная планировка. Несколько улиц без названий разделяют микрорайоны, вот и все. Потому адреса местных жителей выглядят не банально: Гурьевская область, г. Шевченко, такой-то микрорайон, такой-то дом, такая-то квартира.

— Нам могут сказать: как же ориентироваться в микрорайоне, ежели в нем 30 или 40 домов? Заблудишься, пожалуй.

— Вот у меня план города, увезенный вместо сувенира. Тут видно, что домов может быть и 70. А номера их нарисованы под самой крышей, они видны издалека. Так что заблудиться трудно. Свободная застройка — вовсе не каприз романтиков. Внутри микрорайона детсады, школы, клубы, их надо защищать особо.

— От солнца...

— ...И от горячего песка, который влетает в Шевченко со скоростью 15, 20, а то и 25 метров в секунду. Дело в том, что город со всей своей повышенной этажностью стоит на известняковой скале, слегка присыпанной сверху песком. Из того же известняка он построен. Неподалеку в карьере машины пилят желтые и розоватые блоки ракушечника размером с небольшой телевизор. Ракушечником питается и домостроительный комбинат, выдающий железобетонные панели... Но мы опять отвлеклись. Надо как-то решать с названием. Хочется, чтоб в заглавии были люди. Главное все-таки — люди, как ни привычно это звучит. Те, кто наладил нормальную жизнь в девственном заповеднике трудностей.

— Сказано лихо. Но нельзя ли конкретнее?

— Конкретно напишем о том, как была добыта пресная вода. Ее когда-то возили из Махачкалы на танкерах, но это, увы, не было выходом из положения. Большой современный, уважающий себя город Шевченко на заморской водице сидеть не мог. Задачу решили солидно: на ТЭЦ построили мощные опреснители. И теперь город без ограничений пьет бывшие грозные валы, вплоть до девятого включительно.

Привычное бюрократическое слово «озеленение» в местных условиях тоже имеет особый смысл. Ни хвойная, ни даже лиственная растительность почтипустыне не положена по штату. Для кустов и деревьев приходится выпиливать в камне траншеи. А новоиспеченные насаждения все время требуют воды, иначе солнце быстро сделает их свежеиспеченными. А воду дают общие любимцы — опреснители. Так что справедливо будет назвать их и озеленителями — по совместительству.

— Ну, а недостатки?

— К сожалению, и они имеются. У двухметровой каменной дамы с младенцем, сидящей возле бассейна, отсутствует верхняя половина младенца. Спортплощадка во дворе молодежных общежитий равномерно и густо усыпана останками бутылок, летящих по вечерам из окон трех огромных строений. Отдельные жильцы в своих лоджиях натянули веревки и с размахом сушат разное белье, просто и надежно опошляя архитектурную идею... Видимо, не прекращая борьбы с природой, надо серьезно воевать и с венцом творения, когда его тянет на антиобщественное деяние.

— Не думаю, что Шевченко — единственный город, где можно наблюдать все эти мелкие факты.

— И я не думаю. Просто там, где все добыто с великим трудом, такие факты вопиют особенно громко.

— Понимаю. Хотя, между нами говоря, не уверен, что стоит на это нажимать. Построили город — и прекрасно. Ведь не столица же — периферия.

— Есть такое неопределенное, но красивое выражение: «лицо города». По-моему, если жителей не заботит сие «лицо», то никакая архитектурная косметика его не спасет. И потом — что такое «периферия»? Из Шевченко в Москву ежедневно летят два 50-кресельных «АН-24». В 11 утра в городе можно купить сегодняшние центральные газеты. Пятизначные номера телефонов тоже, вообще говоря, признак солидной перспективы. Ну, и архитектура...

— Да, одиннадцать этажей — это, конечно, здорово. Это порядка тридцати метров. Выходит, хотя сам берег на 28 метров ниже уровня моря, все равно отдельные жители находятся на уровне.

— «На уровне» — чем не заголовок!

— В переносном смысле?

— Да, в том смысле, что в любом географическом пункте желательно быть «на уровне». Что приятно на диком бреге обнаружить целый город, который построен «на уровне». Что хорошо бы ему на нем всегда и оставаться — во всех отношениях. Тем паче, что в решениях XXIV съезда КПСС сказано: надо развивать добычу нефти и в старых, обустроенных районах. А город Шевченко вполне обустроен — в этом нет никакого сомнения.

Мангышлак

— Твое предложение, Иванов, мы решили принять. В предварительном порядке...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

СЕНСАЦИИ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

В конце марта западные экономические обозреватели отметили небывалый феномен в конъюнктуре капиталистического рынка: повысился спрос. Правда, лишь на два вида товаров. Весьма солидные джентльмены оптом закупали кофейную гущу. Тем временем их коллеги прицениваль к дегтю. С покупками те и другие спешили в свои редакции.

Буржуазная пресса по-своему готовилась к XXIV съезду КПСС. С апломбом и необыкновенной наглостью кассандры от журналистики поначалу объявили, что кого-то на съезд «не пригласят», кого-то «не выберут в президиум».

В первый же день съезда пузыри, вздувшиеся на кофейной гуще, с брызгами лопнули. «XXIV съезд продолжается без происшествий»,— констатировал московский корреспондент «Фигаро» Р. Лаконтр.

Оставив надежду на «происшествия» и выплеснув кофейную гущу, мастера передержек и подтасовок бросились изучать Отчетный доклад ЦК КПСС. С надеждой они обратились на этот раз к дегтю, тому самому, которым, если умеючи, можно заляпать даже райские врата.

Газета «Крисчен сайенс монитор» поспешила объявить, что программа мира, выдвинутая в этом докладе, «не содержит ничего неожиданного и, по сути дела, никаких новых предложений».

«Нью-Йорк таймс» заявила что, «с точки зрения СССР, все уступки или по крайней мере большая часть их должны исходить от других стран», хотя, как отмечала «Дейли уорлд», «для подобного утверждения не было основания ни в тех выдержках, которые опубликованы самой «Нью-Йорк таймс», ни в полном тексте речи».

Как обухом по голове стукнуло сообщение о программе мира, выдвинутой в Отчетном докладе, тех, кто все еще надеется перекраивать границы на свой вкус и лад. Олаф фон Врангель, парламентский секретарь фракции ХДС—ХСС, объявил, что Отчетный доклад был выдержан «не в духе разрядки напряженности», а «содержал в себе замаскированные или открытые предостережения, граничащие с угрозой».

Западногерманская газета «Вельт ам зонтаг» пугает своих читателей: «Кто вникнет в нюансы разделов доклада Брежнева, касающихся Германии, тот обнаружит в них полную коммунистическую программу действий, направленную на превращение Федеративной республики в народную демократию».

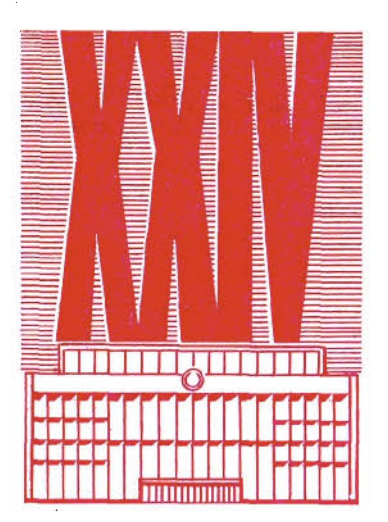
Ну, точно про таких, как фон Врангель и «Вельт ам зонтаг», говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, что им всюду видится «красная угроза» — и в Кордильерах и на дне Индийского океана.

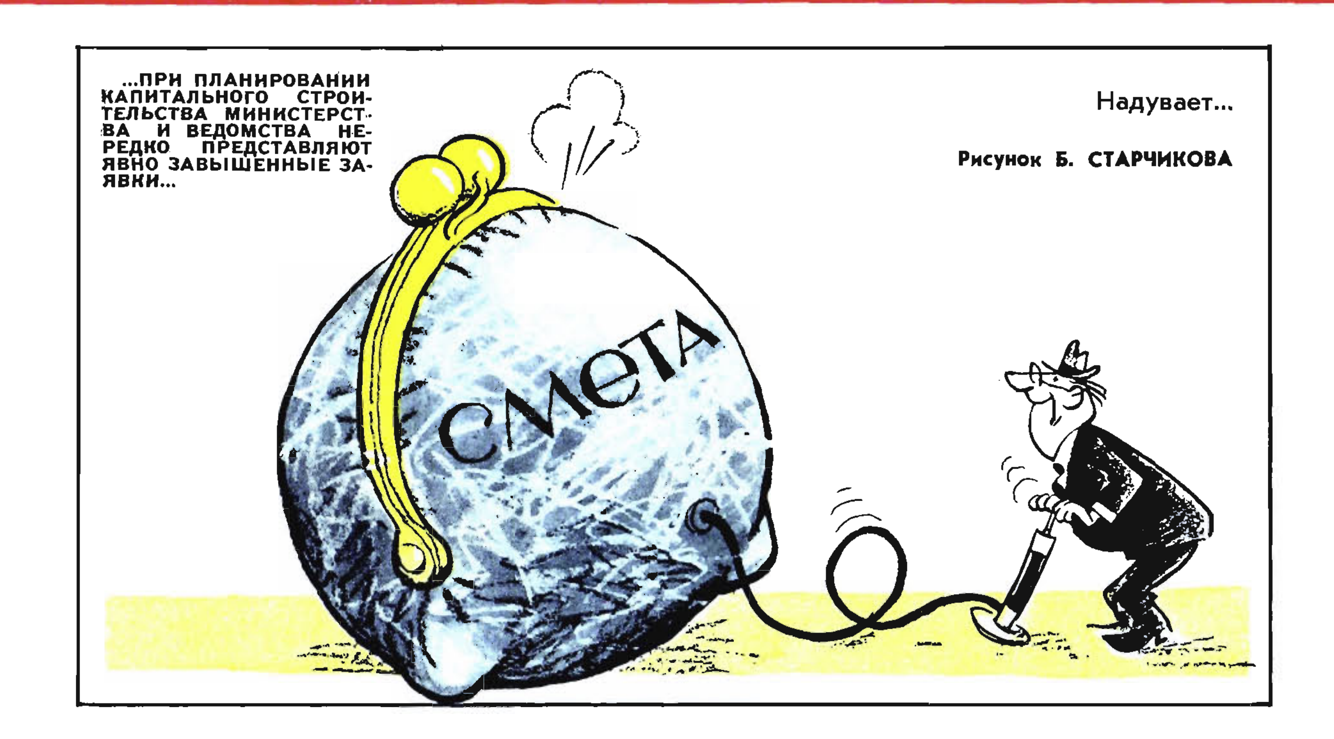
В унисон с ними среагировала на Отчетный доклад правящая камарилья Израиля.

Но на статьи, писанные дегтемазами, спрос невелик. Западный читатель сыт по горло газетной отравой. Приходится, скрежеща зубами, подавать ему иной раз и правдивые строки. Осмысливая значимость величественных решений исторического XXIV съезда, даже люди, не питающие никаких симпатий к социализму, приходят к выводам, весьма неутешительным для строя, которому они служат. «Полная уверенность в себе — вот доминирующая нота внешнеполитического раздела доклада Брежнева,— пишет в редакционной статье газета «Вашингтон пост».— А тем временем советский руководитель может слышать, как в Белом доме во всеуслышание выражают тревогу о том, смогут ли Соединенные Штаты и дальше играть свою роль среди великих держав...»

Поговаривают, что на западном рынке сейчас большой спрос на моющие средства, в основном на мыло. Солидные господа, вывалявшиеся в собственных дурно пахнущих сенсациях, спешат поскорее стать чистенькими в глазах своих читателей. Под холодным душем фактов, от которых не отвертеться, они смущенно покряхтывают и признаются: «М-да... Сенсации не получилось...»

В. БОЛЬШАКОВ

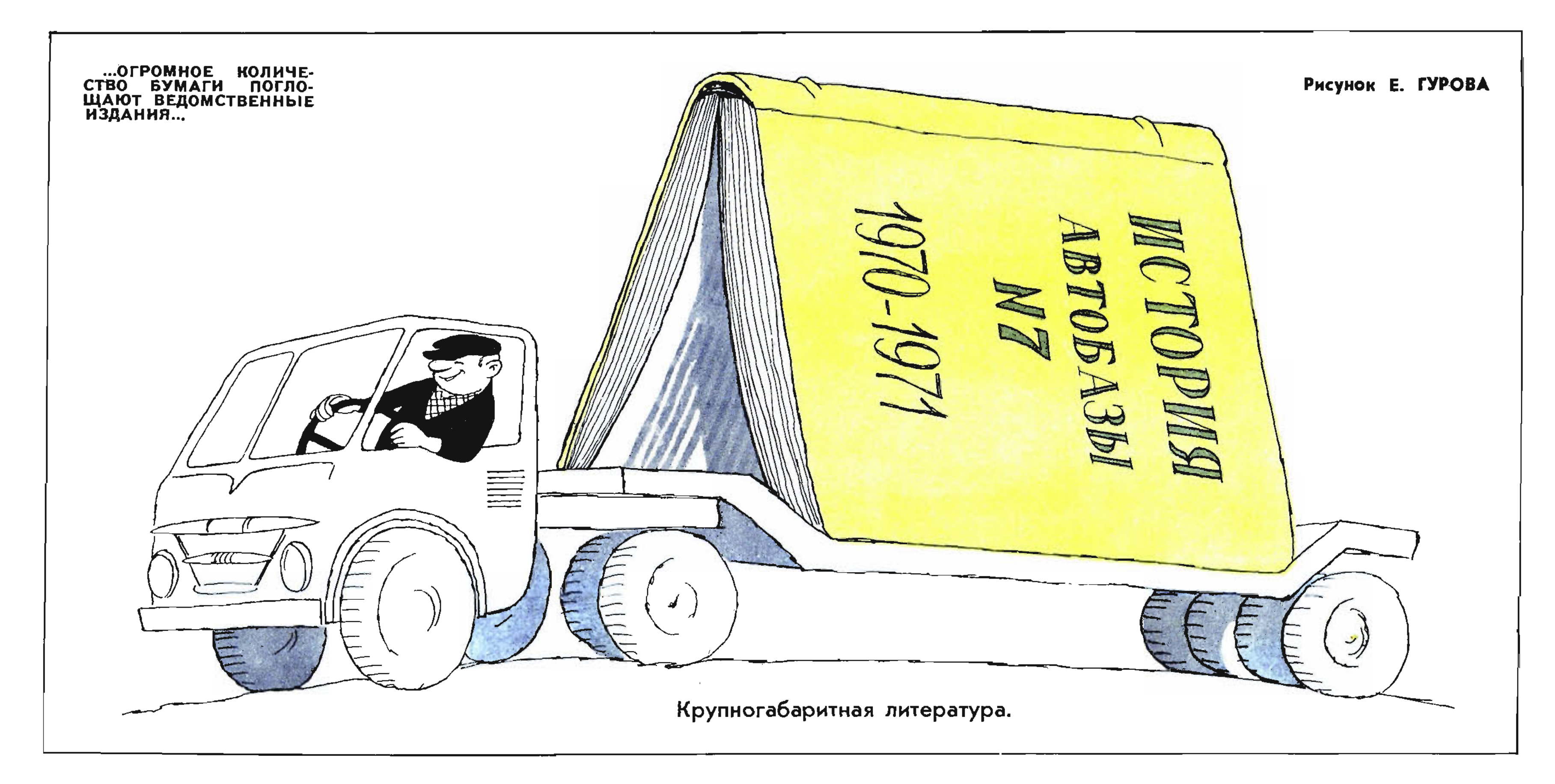

...ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА МИНИСТЕРСТВА И ВЕДОМСТВА НЕРЕДКО ПРЕДСТАВЛЯЮТ ЯВНО ЗАВЫШЕННЫЕ ЗАЯВКИ...

Надувает...

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

...ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО БУМАГИ ПОГЛОЩАЮТ ВЕДОМСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ...

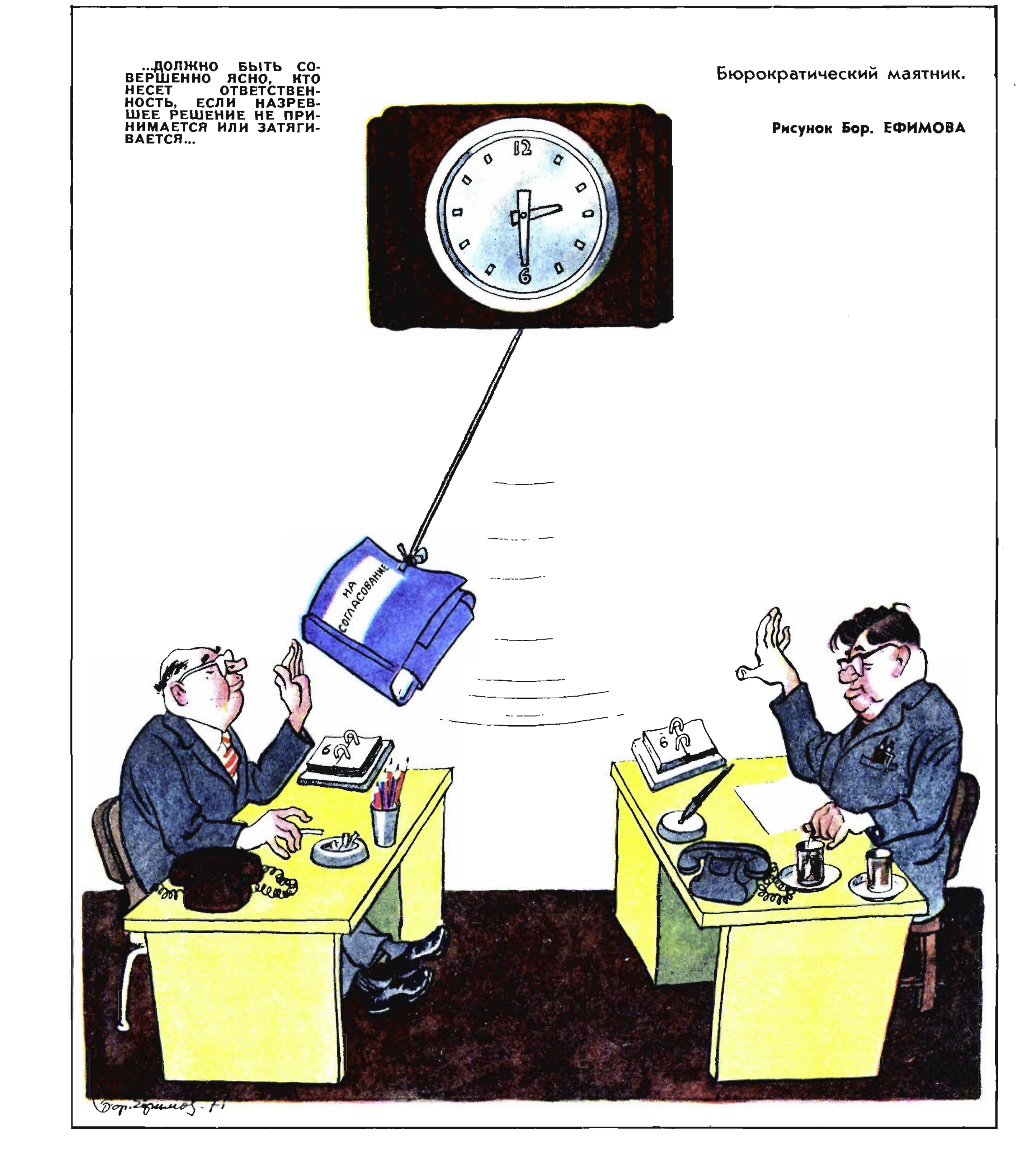
Рисунок Е. ГУРОВА

Крупногабаритная литература.

Александр
СОБОЛЕВ

Я ПО ЗОЛОТУ КАТИЛ...

По асфальтовой дороге
ехал я на быстрой «Волге».
Путь мой был не так далек,
доберусь, мол, за часок.
Так подумал я сначала.
Только вскоре, как на грех,
«Волгу» резко закачало,
с боку на бок нас швыряло
и подбрасывало вверх.
— Отчего нас так болтает?
А шофер мне говорит:
— Эта трасса золотая,
хоть и бедная на вид.
— Не острили б вы хотя бы,—
я с досадой говорю.
Он серьезно:
— Хоть ухабы,—
золотая, не острю!
Чуть лопатою копнешь —
сразу золото найдешь.
— Золотая? Как? Откуда?
И привиделось мне чудо:
драга мощная в сторонке,
продвигаясь под уклон,
из асфальта и щебенки
намывает миллион.
И блестят, блестят кредитки,
золотой песок и слитки
и...
как раз очнуться в пору...
— Может,— говорю шоферу,—
это прииск-великан,
так сказать, второй Алдан?
Мне шофер твердит с гримасой:
— Где там! Просто зло берет!
На ремонте эта трасса
двадцать лет, из года в год.
Раз бы толком сделать дело,
да халтура совесть съела.
Сколько денег здесь зарыто!
Сколько зря труда убито!
Приплюсуйте, гражданин,
варварский износ машин.
Арифметика простая:
трасса эта —
ЗОЛОТАЯ!
Длилось три часа мученье,
просто выбился из сил.
Все же было утешенье:
Я ПО ЗОЛОТУ КАТИЛ!

...ДОЛЖНО БЫТЬ СОВЕРШЕННО ЯСНО, КТО НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ЕСЛИ НАЗРЕВШЕЕ РЕШЕНИЕ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ ИЛИ ЗАТЯГИВАЕТСЯ...

Бюрократический маятник.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

М. ЛЬВОВСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ЧТО СКАЗАЛ ГУКС

ГУКС пошел к ГУМЗу — а может быть, ГУМЗ пошел к ГУКСу, неважно, кто к кому ходил,— и состоялась беседа.

— Слушай, друг,— задумчиво сказал ГУКС.— Народному хозяйству нужна луженая жесть. В больших и нарастающих количествах. Давай построим дополнительный цех!

И ГУМЗ кивнул, не мог не кивнуть другу, потому что ГУКС говорил дело. ГУМЗ — это был главк металлургических заводов, а ГУКС — главк капитального строительства, оба — Министерства черной металлургии СССР. Оставалось решить один небольшой вопрос: где строить?

— Э,— сказал ГУМЗ.— Давай построим в Жданове! У них там Азовское море, керченская руда, большие перспективы.

Вот в таком духе — экономически обоснованно, практично, целесообразно — решили и этот вопрос.

ГУКС и ГУМЗ не стали уповать на день грядущий, а сразу же принялись за работу. Они отправили телеграмму в Жданов, на завод имени Ильича, чтоб готовил площадку. Заключили контракт на поставку импортного оборудования. Зафрахтовали вагоны и взяли ударный объект под контроль.

Все пошло как по маслу — вагоны начали прибывать в Жданов один за другим, и уже казалось, что вот-вот, радуя сердца, мелодически зазвенит дополнительная жесть. Но тут выяснились кое-какие обстоятельства, не взятые в расчет ни ГУМЗом, ни ГУКСом. А именно выяснилось (через два с лишним года!), что ждановский цех пока еще строить не собираются. И главное — нет экономической целесообразности, которая прельстила оба главка.

Создалось конфузное положение.

— Э,— сказал ГУКС,— давай построим цех в Запорожье! У них там Днепр, криворожская руда. У них самое передовое предприятие — «Запорожсталь»!

И ГУКС и ГУМЗ отправили телеграмму в два адреса: Жданову сдать, а Запорожью принять несостоявшийся объект!

Надо сказать, ждановцы с большим подъемом принялись кантовать импортное оборудование и вскоре закончили перевалку. А запорожцы побежали на выгон — искать участок неба, суливший наименее пагубные последствия для хранения ценного сюрприза.

В то же время не дремал и «Станкоимпорт». Он, выполняя обязательства перед министерством, гнал в Запорожье составы и требовал лишь одного:

— Распишитесь в получении!

Все опять пошло бы как по маслу. Но на «Запорожстали» тоже отсутствовали план на строительство цеха, ассигнования, чертежи и многое другое.

По прошествии года стали думать, что же делать, как же быть.

— Э,— сказал ГУМЗ (а может быть, ГУКС) и переиграл свое решение в третий раз: — Будем строить цех на Карагандинском заводе. У них там перспективы лучше всех! Казахстан — необъятная страна.

И в Запорожье возликовали. Но, между прочим, зря: Карагандинский завод (его можно понять) категорически отказался от «подарка».

Тем временем оборудование продолжало планомерно поступать в Запорожье. И на все запросы, телеграммы и устные мольбы специальных гонцов завода — дескать, что вы делаете! — ни ГУКС, ни ГУМЗ, ни заместители министра тт. Борисов и Сливинский не сочли нужным ответить и словечком.

В конце концов запорожцы успокоились, смирились с предначертаниями судьбы. Но тут пришли представители Стройбанка, посмотрели на штабеля с новой техникой, громоздившиеся выше соседней крыши, и спросили:

— Ваша?

— Не совсем,— сказали запорожцы,— есть приказ о передаче караган...

— Ладно, все равно платите штраф!

И он был прав, Стройбанк: зачем разводить сверхнормативные запасы?

Конечно, логичнее всего было бы взыскать положенный штраф с ГУКСа — ГУМЗа, принимавших волевые решения. Но вы сами понимаете, что главки платить не станут. Пускай раскошелятся заводчане.

170 тысяч рублей пришлось заводу уплатить безропотно. Но когда через три месяца из Стройбанка пришел новый штрафной иск на 302 тысячи рублей, дирекция, тихо ахнув, взмолилась:

— Братцы, за что?

— А за это самое! Пойдите поглядите на складскую площадку.

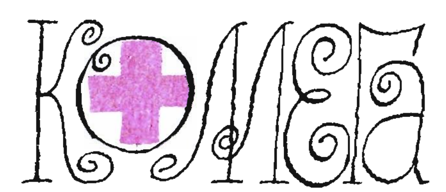
Там штабеля уже громоздились чуть ли не под самое синее небо.

На сегодняшний день оборудования на «Запорожстали» накопилось более чем на 12 миллионов. Если так пойдет дальше, у металлургов, наживших некоторые накопления на выплавке стали и прокатке блюмсов, не хватит денег, чтобы оплатить штраф за чужой цех и чужие грехи.

Вполне возможно, что после третьей перевалки оборудования ГУКС и ГУМЗ затеют четвертую, пятую и т. д. Но и без того дров уже наломано немало. По крайней мере одна поучительная мысль напрашивается под конец всей истории.

— Э,— сказал бы автор этих заметок ГУКСу и ГУМЗу.— Прежде чем принимать решение, можно, конечно, посоветоваться со своей интуицией, но обязательно надо и подумать!

Б. РЯБИКИН

КОЛЛЕГА

Главный врач пригласил молодого участкового врача Автобусову в кабинет.

— Присаживайтесь, Зоя Васильевна... Как работается? Есть ли трудности?

— Ничего, спасибо, Петр Петрович. Стараюсь.

— Это хорошо. Только знаете что, коллега... Нет, с диагнозами, с рецептами у вас все в порядке. А есть жалобы с участка. Люди хотят не только порошков и пилюль. Слово человеческое нужно, участие. А вы сухо так — пришли, выслушали, прописали, ушли. Понятно?

— Понятно, Петр Петрович. Исправлюсь.

Когда главный врач вернулся из отпуска, его встретил председатель месткома.

— Просто неудобно получается с этой Автобусовой. Приходит по вызову, и начинаются тары-бары. Чай пьет с больными, кинофильмы обсуждает. Куда это годится?

— М-да... А вы переговорите с ней. Повлияйте, так сказать, по профсоюзной линии.

Разговор с председателем месткома был недолгим.

— Учту. Буду перестраиваться,— обещала Зоя Васильевна.

Через месяц в кабинет главного врача пришел некто Порфирий Водянкин. Крепко сжимая в руке палку с набалдашником, он сурово посмотрел на склянку со спиртом, откашлялся.

— Я состою при вашей поликлинике уже сорок девятый год, а таких безобразиев не видывал. Разве Автобусова — это врач? Сунет рецептик — и до свидания.

Когда Водянкин ушел, Петр Петрович вызвал Автобусову и строго спросил:

— Что у вас там с Водянкиным?

— Ничего, Петр Петрович. Просто он попросил меня лекарство заказать и принести ему. А мне некогда было...

— Эх, Зоя Васильевна, Зоя Васильевна! Неужели трудно позаботиться о старике? Вы же совсем молодая. А он грозил жалобу накатать в райздрав. Видите, до чего может дело дойти?

— Ясно, Петр Петрович. Обязательно перестроюсь. Не подведу!

Через неделю на общем собрании главный врач, нахмурившись, взял в руки листок, вырванный из ученической тетради.

— К нам поступило письмо. Серьезный сигнал, товарищи. Врач Автобусова в рабочее время ходит по магазинам, покупает там диетические продукты. Мало того, однажды она использовала служебную санитарную машину для личной цели — поездки в прачечную № 5 и обратно. Какие будут мнения, товарищи?

— Я ж не для себя! — крикнула Зоя Васильевна.— Одна больная ряженку просила принести, у другого как раз к моему приходу диетическая колбаса кончилась... И в прачечную я по просьбе больного Водянкина ездила...

Главный врач побагровел и стукнул кулаком по столу.

— Кончать с этим надо! Докатились!.. Вы врач, товарищ Автобусова, ваше дело лечить, а не бегать для каждого больного за ряженкой. Пришли, выписали рецепт, ушли... Вот как надо работать, коллеги! Всем понятно?

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

А. ЩЕБЛАНОВ

ВЫШЕ ВСЯКОЙ КРИТИКИ

Зря все-таки возводят напраслину на итальянскую полицию. То обвинят ее в жестокости (часто, мол, пускает в ход оружие во время забастовок и всяких там демонстраций), то говорят о каком-то попустительстве фашистам (мол, когда они устраивают нападения на клубы рабочих, полицейских якобы днем с огнем не сыщешь), то утверждают, что полиция будто бы пристрастна.

Ложь, истинная ложь!

Конечно, стрелять иногда приходится, но ведь как редко! За целых двадцать лет полиция ранила всего 647 человек, а убитых было и того меньше — лишь 88.

А что касается утверждения о классовой пристрастности полиции, то это вообще ни в какие ворота не лезет. Какая же тут пристрастность, посудите сами, если совсем недавно был арестован даже миллиардер-судовладелец, да не какой-нибудь захудалый, а сам Амедео Матачена. Его-то знает вся Италия. Это грузовики Матачены курсировали каждый вечер между баррикадами в Реджо Калабрии, когда фашисты организовали там беспорядки. Это Матачена давал деньги на провокационные листовки и сам зачастую писал для них текст. Это он угрожал развернуть военные действия против правительства, не проявляющего якобы достаточной твердости в борьбе с левыми силами.

Однако критиканов и арестом миллиардера не удивишь. Дошло до того, что обвинили инспектора полиции, арестовавшего Матачену, в излишней деликатности! И все лишь потому, что инспектор Скьявоне каких-то сорок минут подождал в вестибюле, пока Матачена кончит беседовать с друзьями, и только потом подошел к судовладельцу и тихо (зачем же беспокоить других людей!) сообщил ему об аресте.

Или вот еще явная ложь (и до чего только не додумаются некоторые, лишь бы оклеветать порядочное учреждение!): утверждают, что Матачена был допрошен лишь к вечеру. 8 часов — это, по-вашему, вечер? Да многие в это время только обедать садятся. И потом уж, спросим прямо, мог ли допрос состояться раньше, если у арестованного не было ни минуты свободной? Судите сами: доставили Матачену в 9 часов 40 минут утра. В 10 к нему приехала жена, в 11 часов зашел адвокат (попробуй не впусти его, рад не будешь!), затем арестованный позавтракал, потом принял редактора городской газеты, приехавшего за обещанной передовицей (не мог же следователь вести допрос в его присутствии), немного позже слуга привез Матачене белье (всего один чемодан, а не два, как утверждали) и несколько бутылок виски (не посылать же за спиртными напитками полицейского!).

И сейчас вот опять поднимают шум: освободили-де преступника! Во-первых, освободили не просто так, а условно, во-вторых, в тюрьме он провел целых 40 дней, а, в-третьих, полиция даже домой его не отвезла. Пришлось Матачене такси нанимать; взял он, правда, воздушное, да самолетик-то маленький, всего на шесть мест, не считая пилота...

Нет, зря все-таки возводят напраслину на итальянскую полицию!

ЧТО ПОЧЕМ

На Западе выходит много пухлых справочников. С их помощью вы можете узнать почти все на свете. И в частности что нынче и почем продается и покупается.

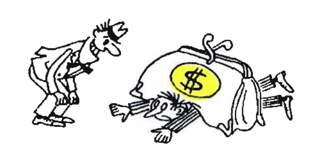
Готовя эту страницу, мы пользовались не только справочниками, но и периодикой, которая тоже уделяет купле-продаже большое внимание.

Цена наглости

Три крупнейших химических концерна Западной Германии — Хэхст, Байер и БАСФ, — на минутку забыв о конкурентной борьбе, сообща обратились к боннскому правительству с просьбой выплатить им... 25 миллиардов марок «в качестве возмещения за ущерб, нанесенный в 1942 — 1945 гг.»

Ущерб, нанесенный этими химиками народам Европы, подсчету не поддается. Зато их наглость может дорого обойтись западногерманскому налогоплательщику.

ЗОЛОТЫЕ КРЕСЛА

Кто оплачивает в Америке избирательные кампании? Кто платит за плакаты, на которых запечатлены розоволикие душки-кандидаты? Кто арендует гигантские залы для предвыборных «шоу»? Кто покупает драгоценные телеминуты, чтобы кандидат в конгрессмены или в губернаторы мог просунуться через голубое окошко в квартиру избирателя и посулить каждому персональную золотую гору?

За все платит простой американец — так уверяет пропаганда. И верно — почему надо считать простого американского миллионера сложным? Он совсем простой, и за свои простые «зелененькие» хочет запросто протолкнуть своего человека в конгресс или в губернаторское кресло.

А вот и прейскурантик.

Кресло в палате представителей — от 40 тысяч до 70 тысяч долларов.

Кресло в сенате — 1 500 000 долларов.

Кресло губернатора — 1 000 000 долларов.

Но это в среднем, при средненьком накале борьбы. А когда кипят страсти, ставки, естественно, повышаются.

Нельсон Рокфеллер потратил около 10 миллионов долларов, чтобы в четвертый раз сесть в теплое, привычное кресло губернатора штата Нью-Йорк.

Его конкурент Артур Голдберг выложил каких-то жалких два миллиона, и, естественно, ему остается лишь грызть ножку губернаторского кресла.

Демократу Ричарду Оттингеру очень хотелось стать сенатором. Его мама рассудила так: «Раз мальчик мечтает попасть в сенат, мой материнский долг — помочь ему». И дала те самые 3 500 тысяч долларов, которые были необходимы Ричарду, чтобы стать сенатором.

Джордж Мэрфи из Калифорнии потратил 1 500 тысяч долларов, чтобы пробиться в сенат, но ахнул, когда узнал, что его побил Джон Танни. А чего тут ахать? Танни-то ведь потратил целых 1 700 тысяч долларов.

Американский журнал «Тайм», опубликовавший эти цифры, признает: «Такие гигантские суммы, вопреки обычным утверждениям политиков, будто каждый доллар поступает от простого человека, дарует горстка богачей: подсчитано, что 1% населения вносит 90% политических фондов».

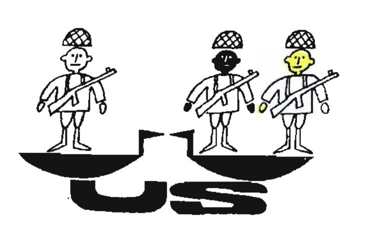
А кто платит музыкантам, тот, если память нам не изменяет, заказывает и музыку.

Вперед, дешевые!

Подобно опытной хозяйке, приценивающейся к мясу на рыночных прилавках, Пентагон ищет мясо (пушечное) подешевле. Свое, американское, дороговато. Содержание одного американского солдата во Вьетнаме обходится в 13 тысяч долларов в год.

Другое дело импорт. Один таиландский солдат обходится США в 4 тысячи долларов в год; филиппинский — в 6 500 долларов; южновьетнамский — в 4 тысячи долларов. И так далее.

Может быть, доктрина Никсона «пусть азиаты воюют против азиатов» порождена не столько военно-политическими, сколько рыночными соображениями!

Ричард Никсон — самый дорогой президент во всей истории США. Он обходится Америке в 70 миллионов долларов ежегодно — на 55 миллионов в год дороже, чем его предшественник Джонсон. Так, например, если Джонсон довольствовался семью закрепленными за ним самолетами и вертолетами, то в личном пользовании Никсона находятся 27 летающих единиц. Только постройка канцелярии для Никсона в Сан-Клементе (Калифорния) обошлась в 250 тысяч долларов. В 300 тысяч долларов влетела постройка аэродрома в летней резиденции Никсона в Ки Бискейн (Флорида). Там же за государственный счет в океане были установлены сети для ограждения купающегося Никсона с домочадцами от натуральных акул (финансовые акулы президенту не угрожают...).

К сожалению, подсчитавшая все до мелочей газета «Уолл-стрит джорнэл» не приплюсовала к 70 миллионам долларов те миллиарды, в которые обходится американцам дальне- и ближневосточная политика самого дорогого президента.

ПРОДАЕТСЯ МУЖЧИНА

Петер Бениш, главный редактор газеты «Бильд» (ФРГ), писал: «В свободном рыночном хозяйстве каждый должен и обязан зарабатывать столько, сколько позволяют его силы и способности. Столько, сколько стоит его работа».

Герр редактор знал, что писал.

В Гамбурге проживает некий мужчина, отзывающийся на имя Петер Трост. Он отслужил в бундесвере, имеет атлетическое телосложение и 14 тысяч марок долгов. Все это Трост сообщил Бенишу и предложил редакции, чтобы она опубликовала его портрет, фамилию, адрес и объявление, что он, Петер Трост, готов лечь в постель с любой дамой, которая уплатит ему 100 марок.

Господин Бениш исполнил его желание, и в газете «Бильд» появилось объявление Петера Троста.

Уже на следующий день Трост мог начать отрабатывать свои долги, ибо за день телефон в его квартире звонил 76 раз.

Вот такие дела в «свободном рыночном хозяйстве»!

Заместитель министра обороны США Дэвид Паккард поставил охоту за дезертирами на здоровую финансовую основу. А что делать? Не заплатишь — не поймаешь. Каждому, кто донесет властям, где прячется дезертир, мистер Паккард гарантирует 15-долларовое вознаграждение.

Доставка дезертира в живом виде — 25 долларов.

Пентагонский прейскурант предусматривает также оплату доносов на скрывающихся призывников, военнослужащих в самовольной отлучке и других лиц, осмелившихся бросить тень на американскую армию.

Министерство финансов в ужасе: казне грозит банкротство!

Дешевле крылышка цыпленка

«Папа Док» Дювалье — диктатор республики Гаити успешно борется с дороговизной. Правда, пока что он добился снижения цен лишь на один вид товаров — на живых детей. Тысячи крестьян в стране ежегодно умирают с голоду. И, чтобы спасти детей от смерти, многие родители продают своих сыновей и дочерей в возрасте от 5 до 13 лет менее чем за 6 франков. (Во Франции за эти деньги можно купить крылышко цыпленка.)

Доходная исповедь

Если верить древней американской легенде, чтобы разбогатеть, достаточно смолоду быть чистильщиком сапог, а остальное пойдет как по маслу.

...У лейтенанта Уильяма Колли, всемирно известного «героя» Сонгми, руки запачканы не гуталином, а кровью 102 убитых им вьетнамских стариков, женщин и детей. Это и есть его «основной капитал», дающий неплохие дивиденды.

В американском еженедельнике «Эсквайр» уже напечатана первая из трех частей щекочущего нервы чтива под названием «Исповедь лейтенанта Колли». За эти леденящие кровь строчки Колли получил пятьдесят тысяч долларов. Вдвое больше — сто тысяч — он получил от издательства «Викинг пресс» за свою книгу воспоминаний на ту же тему. А в одной из киностудий уже накручивают фильм о том, как лейтенант убивал в Сонгми. За это Колли получает еще сто тысяч долларов. Итого: двести пятьдесят тысяч за 102 убитых. Получается примерно две с половиной тысячи долларов за каждую загубленную лейтенантом Колли душу.

Шутки шутками, а...

Боб Хоуп — популярный американский комедийный актер. Кроме того, он неизменный партнер четырех последних президентов США по игре в гольф. И к тому же обладатель 750 миллионов долларов. Откуда такое состояние? Шутки в сторону: на них много не заработаешь. С президентами он играет бесплатно. Откуда же? Оказывается, за улыбкой придворного шута скрывается скаредный преуспевающий бизнесмен. Сначала Хоуп спекулировал земельными участками, а сейчас перешел в высший капиталистический класс. Он хозяин крупной нефтяной фирмы, совладелец ряда теле- и радиостанций. Нешуточный бизнес!..

Две загадочные трубы

На горизонте показались две трубы, полосатые, как зебра.

— Это она,— предположил один из нас.

— Не может быть! — отверг предположение другой.

— Почему не может?

— Потому, что там ничего не горит, а раз не горит, значит, не дымит, а раз не дымит, значит, не должно быть труб.

Объяснение потрясало логикой и эрудицией. Вопрос о трубах остался открытым.

Автобус мягко въехал на мост и прогрохотал надо льдом.

— Река Пышмà,— сказал шофер.

Лед на реке Пышме, в том месте, где она разлилась в небольшое море местного значения, был густо истыкан лунками и похож на шумовку. У каждой лунки сидел укутанный в тулуп человек.

Сразу за рекой по обе стороны шоссе пошли новенькие дома с Домом культуры в центре поселка.

— Как называется этот заречный поселок? — спросили мы.

— Заречный,— эхом отозвался шофер.

Мы проехали еще немного и приблизились к большому зданию, из которого и росли столь заинтересовавшие нас зебристые трубы.

— Приехали,— сказал не очень многословный шофер.

Вниз по лестнице, ведущей вверх

Все здесь казалось необычным. Мы поднялись в лифте на какой-то этаж. Какой именно — было неясно, поскольку вместо номеров этажей стояли загадочные цифры: «отметка 9,6», «отметка 12,3...».

Добравшись до очередной отметки, мы протиснулись в небольшую комнатку и принялись снимать ботинки.

Две симпатичные, но чрезвычайно серьезные девушки подступили к нам с расспросами:

— Размер костюма? Головы? Ног?

Установив таким образом знакомство, они выдали нам белоснежные лавсановые халаты, такие же шапочки и мягкие тапки.

— Репортер меняет профессию,— сказал один из нас, заметив, что теперь мы похожи на врачей-клиницистов или в крайнем случае на студентов-медиков.

— И вовсе мы никакие не врачи, мы хлебопеки,— возразил другой.

— Или, наоборот, маслоделы...

— Прошу вас сюда,— прервала дискуссию инженер Ирма Семеновна Каменева и открыла перед нами дверь с надписью «Грязная лестница».

Ю. БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

БАЭС — рядовое чудо

Репортаж из будущего, которое стало минувшим

Грязная лестница блистала стерильной чистотой. Она была покрыта специальной пленкой, которую, как сообщила Ирма Семеновна, моют особым раствором до полного исчезновения пыли. Даже самые придирчивые из нас не смогли обнаружить и намека на грязь.

Потом мы шли по длинным коридорам, заглядывали в какие-то двери, любовались какими-то пультами с разноцветными огоньками. На одном пульте было написано «Кактус», но никаких кактусов в его окрестностях мы не обнаружили. Кто-то припомнил афоризм Козьмы Пруткова насчет клетки со львом, после чего мы все по очереди споткнулись о порожек, надпись на котором предупреждала: «Не забудь сменить обувь». Мы поняли, что Козьма Прутков здесь ни при чем, а каждая надпись имеет свой резон.

Высоченный зал, куда мы вошли, был похож на внутренность католического собора. Это сходство дополнялось висевшими по стенам, словно трубы органа, гигантскими карандашами-капсулами. Казалось, сейчас зазвучит торжественная и беспокойная музыка Баха и все застынут в благоговейном молчании.

Иоганн Себастьян не зазвучал. Зазвучал исполненный торжественности голос нашего гида:

— Мы с вами находимся в реакторном зале Белоярской атомной электростанции.

И мы застыли в благоговейном молчании.

Где-то под нами билось атомное сердце электростанции. Где-то там с бешеной скоростью мчались электроны, нейтроны, бился в трубах перегретый пар, вращая валы турбин.

Инженер Каменева рассказывала нам о медленных нейтронах, на которых работает первая очередь Белоярской АЭС, и о быстрых нейтронах, на которых будет работать вторая ее очередь. И все это звучало, как чудесная сказка. Вернее, как сказка о чуде.

А потом мы заполнили уютный конференц-зал, уселись в мягкие крутящиеся кресла, и заместитель главного инженера Борис Георгиевич Иванов рассказал нам все с самого начала.

Время на беговой дорожке

Строго говоря, началось это давно, с тех самых пор, как советские физики теоретически обосновали возможность постройки электростанции, которая могла бы работать с помощью высвобождающейся энергии атомного ядра. Физиками руководил Игорь Васильевич Курчатов.

Тогда это действительно казалось сказкой, и далеко не все в нее верили. Думалось: чтобы взнуздать атом, нужны годы и годы. Но время проиграло состязание с человеком. В 1954 году вопреки прогнозам сказка стала былью.

Сказка стала былью в небольшом калужском городке Обнинске, где была построена первая в мире атомная электростанция.

Впрочем, Обнинская атомная была скорее лабораторией. Лаборатория доказала: ядерного зверя вполне можно приручить, надев на него хомут и превратив в рабочую лошадку.

Затем дал промышленный ток первый турбоагрегат Белоярской атомной электростанции, названной именем И. В. Курчатова. А еще через три года, в канун пятидесятилетия Советской власти, был введен в строй второй блок Белоярки.

В промежутке между этими двумя событиями состоялось пышное торжество по ту сторону океана. Под звуки фанфар в строй вошла атомная электростанция «Пэс Файндер». Поскольку пьедестал почета к этому времени был уже занят советскими станциями, американцы соорудили свой автономный пьедестал и назвали свою атомную электростанцию «первой в свободном мире», лишний раз подтвердив, сколь свободно они обращаются со словом «свобода».

В конце 1969 года, снова обогнав время на беговой дорожке вечности, оба блока Белоярской атомной достигли проектной мощности, давая в систему «Свердловскэнерго» ток в 300 тысяч киловатт. Что же касается «первой в свободном мире», то она благополучно скончалась, не выдержав испытательного срока.

— Ну, а сейчас как? — спросил один из нас.

— А сейчас наша Белоярская — одна в ряду других советских атомных электростанций,— ответил Борис Георгиевич Иванов.— Так сказать, рядовое чудо.

А вам не страшно!

Именно этот вопрос вертелся на языке у всех тридцати пяти журналистов, приехавших на Белоярскую станцию:

— Не влияет ли атомная радиация на здоровье людей, работающих на станции?

Борис Георгиевич улыбнулся. Вопрос был традиционным. Его задавали не только журналисты. В той или иной форме его задавали все, кто приезжал на БАЭС, начиная от школьников и кончая сэром Вильямом Джорджем Пенни, известным английским ученым-атомником.

Борис Георгиевич улыбнулся и сказал:

— Приезжайте к нам летом. Во дворе у нас растет земляника. Мы едим ее с удовольствием. И знаете — ничего. И в тех лещах, что мы пустили в Пышму, тоже нет признаков радиации. И в траве, и в деревьях, и в букашках. За все годы мы не обнаружили ни малейшей дозы, хотя проверяем весьма придирчиво.

— Тем не менее,— добавил заместитель главного инженера,— мы ни на минуту не забываем о правилах безопасности. Вот почему вам пришлось надеть белые халаты. Вот почему все наши работники носят в нагрудном кармане особые индикаторы...

Уже прощаясь, мы вспомнили о трубах, окрашенных под зебру.

— Трубы? Это вентиляционные.

...Рассказу о Белоярской АЭС мы дали подзаголовок «Репортаж из будущего, которое стало минувшим». Да, время, когда наша страна только что приступала к созданию атомных электростанций, давно миновало. А вот будущее...

Оно четко определено в утвержденных XXIV съездом КПСС Директивах по девятому пятилетнему плану: реакторы новых станций будут иметь мощность 1 миллион киловатт и выше. Так, маленькое Обнинское и Белоярское чудо, если исходить из нынешних наших представлений о новой пятилетке, приведет к рождению большого, если не сказать, грандиозного, чуда.

Впрочем, какое же это чудо, если оно создается руками людей...

Свердловская область.

Игорь МАРТЬЯНОВ

БУДЕТ И НАЗВАНЬЕ!

Фильм смотрел однажды Ваня
Со своей подружкой Диной.
Свет погас —
И на экране
Пыль и топот лошадиный.
Кто-то скачет,
Кто-то рубит,
Кто-то кружит в вихре вальса,
Кто-то плачет,
Кто-то любит,
Кто-то скорбно просит:
— Сжалься!..
Дина, мучаясь, молчала,
Но потом шепнула:
— Ваня,
Знать, картина без начала —
Даже не было названья!
И ответил Ваня Дине:
— Жди!
Названье — в середине!

г. Иваново.

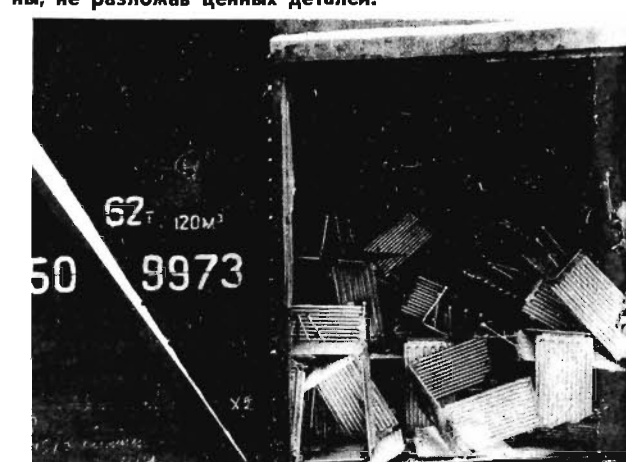
По большому счету...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ДОРОГИЕ БИРЮЛЬКИ

Бирюльки. Слыхали! Ну, такая игра для убивания времени. Собираешь палочки в пук, разжимаешь ладонь, а потом аккуратно вытягиваешь палочки по одной, чтобы не задеть других.

Вот в такую игру приглашают побаловаться рабочих Марийского завода торгового машиностроения. Только вместо каких-то палочек фигурируют испарители для холодильных прилавков. Харьковский завод холодильных машин присылает их в вагонах навалом, и марийские машиностроители часами ломают голову, как разгрузить вагоны, не разломав ценных деталей.

Возможно, директор Харьковского завода тов. Шаповалов заботится о развитии творческой смекалки своих потребителей! Похвальное желание! Но не лучше ли грузить испарители аккуратно, а в качестве бесплатного приложения класть обыкновенные бирюльки!

Ю. НИКОЛАЕВ

г. Иошкар-Ола.

Бисер, который прославлен

— А буду-ка и я накладывать сорочку! — сказала женщина Дегтярева супругу своему Павлу Георгиевичу.

Проживает женщина в поселке Лужаны, Черновицкой области, а это, нужно вам сказать, придает характерность. На Буковине не вышивают сорочку, а накладывают на нее бисер, создавая искусство.

— Буду помогать тебе по хозяйству,— пообещал Павел Георгиевич.— Стряпать и стирать пыль с мебели.

Сказав так, он удалился в галантерейный магазин и приобрел там сто тридцать пачек разноцветного бисера — синего, желтого, красного, зеленого...

Штучное количество бисеринок в одном пакете человечеству неизвестно, поскольку не отыскался еще подвижник, который взял бы на себя труд пересчитать их. А тут, прошу обратить внимание, сто тридцать пакетов. И еще прошу обратить внимание, что каждая бисеринка принрепляется к полотну в индивидуальном порядке.

Теперь вы понимаете, что супруга Павла Георгиевича не видела знаменитого фильма «Бриллиантовая рука» и нескольких других знаменитых фильмов тоже, потому что днем трудилась на производстве, а по вечерам создавала искусство. Павел Георгиевич стряпал и стирал пыль с мебели. Временами он украдкой заглядывал в комнату, где творила жена. Синий, желтый, красный, зеленый и иные цвета, сочетаясь, рождали прекрасное.

И вот наступил счастливый четверг. К гуцульскому полотну была прикреплена заключительная бисеринка сиреневого цвета. Оставалось прополоскать сорочку в теплой воде для удаления прижившихся за год работы посторонних наносов.

Акт полоскания считается на Буковине торжественным, поскольку завершает некоторый этап в жизни мастерицы. Собрались родные и близкие. Супруга Павла Георгиевича медленно погрузила сорочку в воду, а когда извлекла ее оттуда, красные, синие, желтые и иные бисеринки не существовали больше. Сорочка была вульгарно покрыта прозрачными стекляшками.

После затянувшейся немой сцены Павел Георгиевич запустил уцелевший пакетик бисера в форточку. Лужа, куда угодил бисер, приобрела соответствующую окраску. Осталась нетленной лишь надпись на пакете: «г. Клин, Московской области, фабрика товаров культурно-бытового назначения».

К. ТИМОФЕЕВ

КТО ПЕРВЫЙ БРОСИТ КАМЕНЬ?

Расположены две деревни — Новоказанка, Сладковского района, Тюменской области, и Куломзино, Булаевского района, Северо-Казахстанской области,— совсем рядом.

Государственной, так сказать, границы между ними нет. Также нет контрольно-пропускных пунктов или таможни. Правда, деревни между собой не враждуют. Больше того, экономически даже подают друг другу руку помощи. Но лежат между означенными пунктами четыре километра, которые с ранней весны превращаются в глубокое и вязкое месиво, проходимое разве что для вертолетов. Спасают положение лишь тягачи, да и то до тех пор, пока не лягут своими стальными костьми на ничейной земле.

А все это от нерешительности. Выйдет на поле булаевский полпред, ступит ножкой в грязь, отдернет ботинок и молвит:

— Пусть начинает Сладковский район...

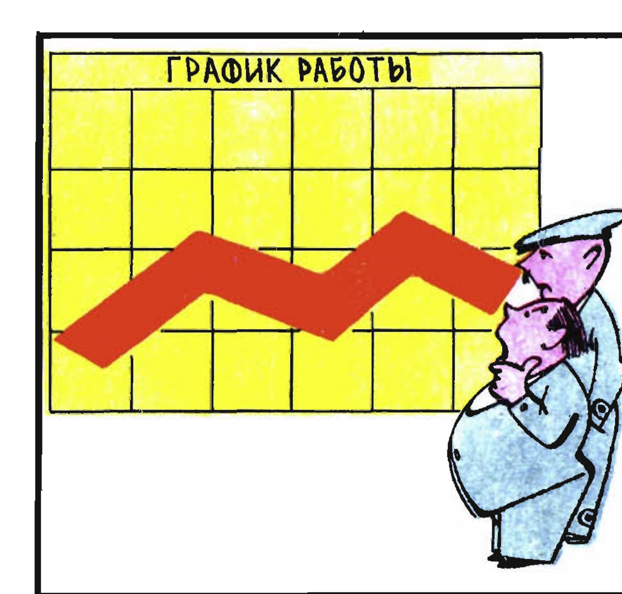
Появится сладковец и вскрикнет:

— Приветствуем! Вот как только начнут булаевцы...

Пока дружественные районы не решат, кому начать, четыре непролазных километра успешно мостятся колесами, скатами и еще чем попало...

Понятно, давно можно было бы заполнить это пространство бетоном и щебенкой, но для этого надо решить единственный вопрос: кто первый бросит камень?

Б. САВЕЛЬЕВ

Последнее средство. **Рисунок М. ВАЙСБОРДА**

Всеволод НЫРКО

ЦЕЛЬНАЯ НАТУРА

Копейка заявляла
с гордостью Рублю:
— Размениваться не люблю!

г. Магадан.

А. ХОДАНОВ, специальный корреспондент Крокодила

ПОМОГИТЕ МУЗАМ!

Когда верхушки гор отряхиваются от тумана и веселые солнечные шпаги-лучи вонзаются в высотные памирские тополя, со стороны Сагирдашта доносится ровный веселый гул. Из-за перевала выскакивает ладно скроенный «Як-40» и, скользнув над Хорогом, осторожно касается своими тремя колесами аэродрома.

И тогда к самолету, размахивая портфелями, спешат отчаявшиеся от непогоды пассажиры. И среди них — один высокого роста, с величественным лицом и седеющей шевелюрой. Усевшись в кресло, он долго шевелит губами и загибает пальцы.

Потом, уже идя по улицам Душанбе, пахнущим шашлыками и талыми альпийскими лугами, он на ходу заглядывает в блокнотик.

«12.00 — попросить... 13.00 — уговорить... 14.00 — убедить...»

Путь незнакомца лежит в учреждения культуры. И по мере того, как он покидает их, в его руках появляются все новые и новые кульки и свертки.

— Салям алейкум, Ермамад! — окликают его на улице. — Опять просить приехал?

— Опять...

Ссутулясь, Ермамад идет на переговорный пункт и заказывает разговор с Москвой.

— А, это вы!.. — слышится далекий приветливый голос. — Опять, небось, просить?

— Угадали. Краску надо!

— Пожалуйста! — доносится разбавленный помехами голос.— Контейнер?

— Да что я с ним буду делать? — огорчается Ермамад. — Куда мне столько!

— Меньше не можем, — объясняет далекий голос.

Вздохнув, Ермамад вешает трубку и вспоминает, что не был еще в театре. Через некоторое время он выходит из театра, неся новый кулек. Из кулька сквозь неплотную упаковку выглядывает обшарпанная баночка с краской.

— Больше не можем... — доносится ему вслед.

Напрасно поднаторевший на детективах читатель будет искать здесь ловко завуалированный сюжет, посвященный каким-то темным махинациям. Мы рассказываем всего лишь об одной из обычных командировок Ермамада Ашурмамадова, директора Хорогского областного государственного театра имени Рудаки.

Сказать, что этот театр — средоточие культурной жизни Горно-Бадахшанской автономной области, — значит ничего не сказать. Ибо нет человека на Памире, который не знал бы и не любил свой театр. Его артисты, подобно альпинистам, пробираются в самые недоступные уголки Крыши мира и, испытывая острый недостаток кислорода, несут культуру горцам.

В Мургабе, кишлаке-барокамере, где вода закипает задолго до плюс ста, обед для труппы варится шесть часов. Исполняя веселые куплеты и искрометные танцы, артисты мучаются от головной боли и сердцебиения, но никто об этом так и не узнает: румяна и грим скрывают от проницательных аксакалов следы изнуряющей работы, после которой наступит еще более изнурительная бессонница.

И пусть зачастую пурга, бури и лавины отрезают Памир от просвещенного мира — все равно ежевечерне вспыхивают рампы Хорогского театра, и благодарные зрители, увлеченные драматургией Мирсаида Миршакара и Гани Абдуллы, до боли в ладонях вызывают исполнителей «на бис».

Благодарные зрители даже не подозревают, какие героические усилия прилагают директор Ашурмамадов и весь коллектив театра для того, чтобы не погасли огни рампы.

И не только зрители. Один ответственный товарищ на одном ответственном совещании, указуя гневным перстом на Ашурмамадова, даже сказал:

— Вот вы, служитель муз. Что вы умеете делать, кроме как просить? Остается ли у вас время руководить театром?

Директор, по природе своей человек скромный и в высшей степени интеллигентный, покраснел и промолчал. А что, собственно, оставалось ему делать, если сей ответственный товарищ значился в его блокноте под грифом «попросить»?

Чтобы попасть на представление этого театра, нам пришлось лететь шесть часов до Фрунзе, потом пятнадцать часов ехать по Великому Киргизскому тракту до Оши, а затем двое суток — по Памирскому, минуя сквозь вьюгу высокогорные долины и перевалы около пяти тысяч метров над уровнем моря (воздушный мост Душанбе — Хорог был прочно закрыт из-за туманов и снегопада).

И вот мы сидим в полутемном зале вместе с директором и смотрим генеральную репетицию пьесы Абдукаххара «Дорогая мать». Сидим в пальто: система отопления здесь рассчитана на южные районы, тогда как любой справочник указывает на то, что Памир — это местность с арктическим холодом.

— Афиш вы не видели, у нас их нет,— извиняюще шепчет Ермамад. — К сожалению, и программку не могу дать — тоже нет.

И, видя, что впереди сидящая шапка заслоняет полсцены, просит ее пересесть:

— Пол у нас без наката: помещение для других нужд строили, а потом передали нам.

Когда заканчивается очередная картина и опускается занавес, на сцене, судя по звукам, разгорается маленькая баталия.

— Сцена у нас крохотная, — разводит руками Ермамад. — Механизмов никаких. Мы, знаете, такие пьесы выбираем, чтобы картин поменьше и декораций — тоже, а иначе спектакль до утра затянем...

Потом мы переходим в директорский кабинет, и на нас строго смотрит немигающими мраморными глазницами бюст великого Рудаки. Ермамад разливает зеленый чай и горько усмехается.

— Раз «государственный», то думают, что это театр, у которого все есть. Так и должно было бы быть, но... Стыдно сказать, но приходится все просить. Хожу по душанбинским театрам, выпрашиваю — авось, что-нибудь аллах пошлет. Ни краски, ни стройматериалов, ни осветительной аппаратуры! Скажу больше — ни хормейстера, ни балетмейстера, а театр числится музыкальным! Актеров вместо девяноста девяти тридцать три. Героиня в декрет уходит — спектакль на год снимаем. Одна возвращается — другая уходит. И у всех дети. У памирских женщин по многу детей. А дети, сами знаете, то закапризничают, то заболеют — вот вам и бюллетень. Вот вам еще один сорванный спектакль! Театр подготовил двадцать четыре спектакля, а из-за того, что нет дублеров, показывает только пять! Выбираем только такую пьесу, где действующих лиц раз-два — и обчелся. Иначе не потянем!

Прощаясь с директором, мы не удержались, чтобы еще раз не воскликнуть:

— Неужели вам ни разу так никто и не помог?

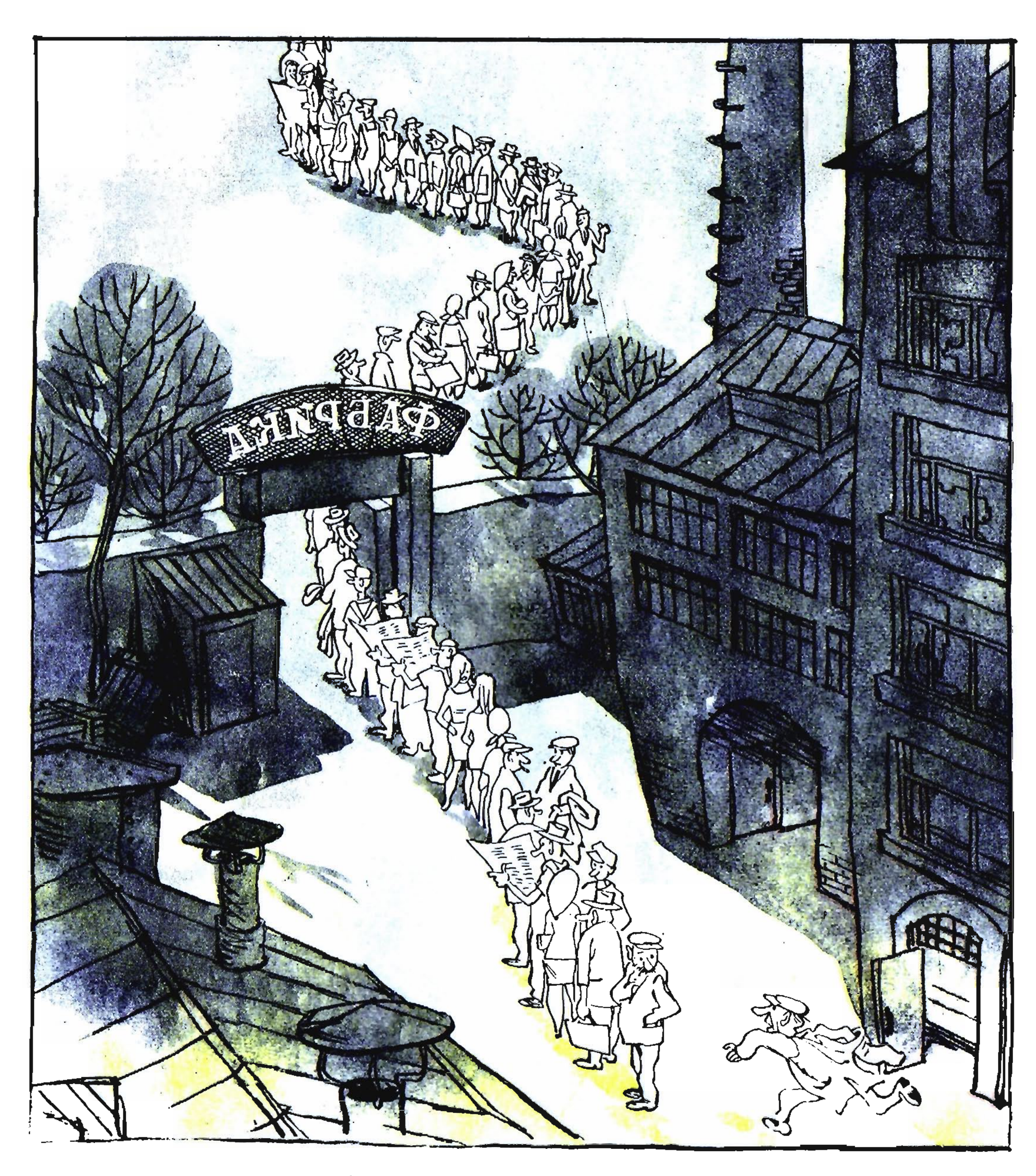
— Отчего же? — Застенчивая улыбка директора превратилась в саркастическую.— Когда один из душанбинских театров стал заменять стулья, о нас вспомнили. Себе — новые, старье — нам. А из Москвы недавно прислали счет на бутафорию к новому спектаклю — на тысячу рублей. А на подготовку всего спектакля нам отпускается полторы тысячи...

Мы взглянули на часы: в Москве давным-давно глубокая ночь, и работники Министерства культуры, ответственные за республиканское театральное дело, мирно досматривают свои неофициальные сны.

Давным-давно разошлись по домам и их коллеги — сотрудники Министерства культуры Таджикистана. Повесив пиджаки на спинки стульев и облачившись в домашние халаты и пижамы, они удобно устроились у телевизоров и вместе с хоккеистами переживают их радости и огорчения. И где-то среди них сидит нынешний начальник отдела театров, который, как и его предшественники, так и не удосужился не только побывать в Хороге, но даже снять телефонную трубку и просто сказать:

— Салям алейкум, директор! Как дела?

г. Хорог, Таджикская ССР.

— Кто последний на автобус?

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

ВЕРНЕМСЯ К НАШИМ БАРАНАМ

Тем более что они нас все еще ждут.

И хотя за давностью дней уже не совсем отчетливо видны эти бараны, и даже не очень ясно, кто из них баран, а кто овца, и не совсем известно, кто тот милиционер, который заварил эту кашу, мы все же вынуждены вернуться, потому что бараны нас ждут. И длится это ожидание более пяти лет.

Итак, уважаемый читатель, представьте себе идиллическое сентябрьское утро, когда чабан Туман Исманов гонит собственных баранов на базар. Он гонит их на кишлачный базар Нанай, потому что старший сын женится и надо хорошо справить свадьбу. Мы повторяем: важно представить себе именно сентябрь, потому что в это время года бараны бывают особенно жирные. А это обстоятельство имеет кое-какое значение в дальнейшем повествовании. В стаде шестнадцать голов: восемь овцематок, семь баранов и коза.

И вот, значит, гонит чабан колхоза имени Ахунбабаева, Янгикурганского района, Андижанской области, свое стадо на базар, а навстречу ему — милиционер. Одним словом, представитель власти. Не ахти какой большой представитель, но чабану все равно приятно. Потому что Туман Исманов на этом отрезке времени за собой никаких грехов не чувствовал. А милиционер подумал, что перед ним как раз отягощенный грехами спекулянт. Почему он так подумал — это до сих пор не ясно. И между ними скорей всего произошел какой-то малозначительный разговор. Какой именно разговор — тоже неизвестно. Однако без разговора вряд ли могли произойти последующие события. А события таковы: чабана, как спекулянта, посадили за решетку, а его овец, баранов и козу отдали на перевоспитание в совхоз «Заркент».

Правда, через несколько дней чабана временно выпустили, а баранов нет. Так он и пошел домой без них.

Как вы видите, уважаемый читатель, завязка детективной истории есть. Однако до конца ее далеко, и пока видны только слова: «Продолжение следует».

Продолжение последовало через четыре месяца, 19 января 1967 года, когда судьи Янгикурганского районного народного суда сказали: «Вернемся к нашим баранам».

Ситуация им была ясна. Раз спекулянт — значит спекулянт. А со спекулянтами разговор короткий: два года с конфискацией злополучных баранов и не менее злополучной козы, а также принадлежащего спекулянту имущества.

Казалось бы, можно спокойно вздохнуть, поскольку все точки над «i» расставлены и продолжения вроде бы не предвидится.

Однако через некоторое время вдруг выяснилось, что Туман Исманов вовсе не спекулянт, а совсем наоборот. Он, оказывается, был передовиком производства!

Такая ситуация тоже иногда случается. Человек сперва сидит ни за что, а потом его реабилитируют. Что и сделали с Исмановым.

А как реабилитировать баранов? И возможно ли это вообще? И где они теперь, эти бараны?

Судьи думали-думали и говорят:

— Что касается вас, уважаемый чабан, то вас мы отпускаем. Тем более что, как выяснилось, вы не виноваты. А что касается баранов, то предъявите-ка вы к совхозу «Заркент» иск. Может, этот иск и будет удовлетворен. Кто знает?

Тут надо сказать, что речь в данном случае шла не о пятнадцати баранах и овцах. Дело в том, что о них периодически вспоминали и ранее, в результате чего некоторая часть — а именно шесть баранов и одна коза — были возвращены владельцу. Правда, говорят, это были совсем не те бараны, упитанные и жирные, что отобрали у чабана осенью. Возвращенные бараны были малость поплоше, а козленок, исполнявший роль козы, вообще сдох по дороге от острой дистрофии.

Так что Исманов должен был хлопотать о том, чтобы ему вернули только оставшихся девять баранов. Но почему именно он должен был хлопотать, когда его невиновность уже была установлена, — никому не известно. Казалось бы, тут как раз настал психологически удобный момент, чтобы принести чабану глубокие извинения вместе с этими девятью баранами. Однако тут почему-то начались совершенно непонятные осложнения. Пока совхоз «Заркент» то соглашался отдать баранов, то отказывался, пока в одних инстанциях отменялись предыдущие решения судов, пока исписывались вороха бумаги, в других инстанциях этот вопрос не снимался с повестки дня.

И Верховный суд Узбекской ССР сказал: «Вернемся к нашим баранам».

И редакция газеты «Правда Востока» тоже сказала: «Вернемся к нашим баранам».

И эти возвращения были продиктованы чувством высокой гуманности. И усилиями этих органов девять баранов не так давно были возвращены.

Казалось бы, все в порядке и к баранам можно больше не возвращаться.

Но, как ни странно, чабан Туман Исманов считает себя обиженным. И мы вместе с ним не можем понять, зачем понадобилось возвращать баранов по частям. Почему ему все время старались отдать животных похуже, хотя всем было ясно, что чабан и так незаслуженно пострадал?

В связи с этой бараньей эпопеей Туман Исманов не получал от своей отары шерсти, приплода, он и его родственники затратили немало денег на поездки в Москву, Ташкент, Андижан, Наманган — все в поисках правды. Кто оплатит эти убытки, которые Исманов понес не по своей вине? Почему, наконец, все это безобразие длится скоро уже пять лет?

Поскольку на эти вопросы в ближайшее время не предвидится ответа, мы и решили вернуться к нашим баранам.

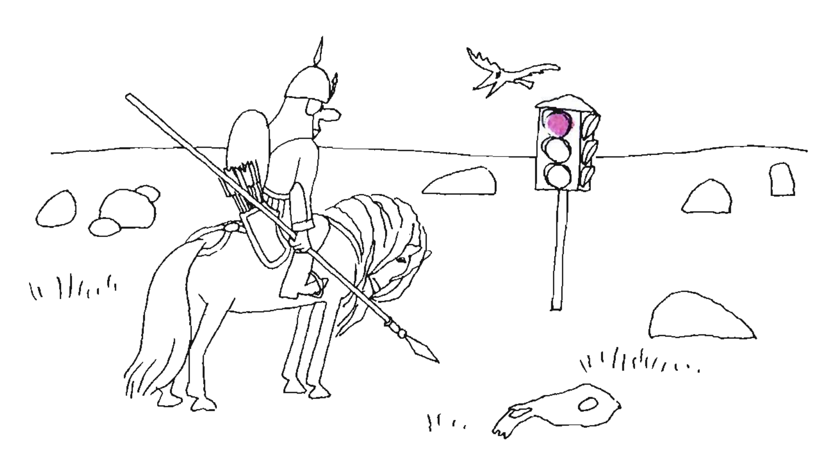

Рисунок А. СЕМЕНОВА

— Вася, пробки перегорели!
— Не может быть!

Рисунок С. СПАССКОГО

Рисунок Ф. КУРИЦА

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Опять у Петровых звонок не работает?

— И тут кабачковая!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

КРОКОДИЛЬСКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Проживающий в городе Кривой Рог энциклопедист Михаил Васильевич Кульков прислал нам волнующий стихотворный призыв:

Расщеплено у атома
Ядро.
Наш ум проник
В космические дали.
Мы знаем то,
Чего не знал Дидро,
Твердим слова,
Неведомые Далю.
Чтоб юмор нас
весельем наградил,
Чтоб шутка все дурное
обличала,
Давайте же,
как просит
«Крокодил»,
Смеяться
на общественных
Началах!

Давайте! А если вы уже послали нам ответы на Г, Д, Е, то, не теряя времени, беритесь за следующие три буквы (примерный словничек прилагаем).

Кстати, о времени. Последний срок рассмотрения жемчужин философско-юмористической мысли на Ж, З, И — 30 мая. Для большего порядка пишите, пожалуйста, на конверте «КСЭ — Ж. З. И.».

Ж.

Жадина, жадность
Жажда
Жалобщик
Жалованье
Жаропонижающее
Ждать
Жевать
Желание, желать
Железный
Желудок
Желудь
Желчь
Жена
Женатый
Жених, жениховаться
Женоненавистник
Женственность
Жертва
Жест
Живописец
Животное
Жизнелюб
Жизнерадостность
Жизнь
Жилплощадь
Жир, жирок
Жирафа
Жмот
Жмурки
Жонглер
Жох
Жук
Жулик, жулье
Журить
Жюри

З.

Забава
Забвение
Забегаловка
Заблуждение
Забор
Забота
Забрало
Забулдыга
Забывать
Завалинка
Заваль
Завернуть
Завестись
Завещание
Завивка
Завидки, завидовать
Завизировать
Завод
Завтра
Завхоз
Завязнуть
Завязь
Загадка
Загар
За глаза
Заговаривать
Заговорщик
Заготовитель
Заграничный
Загреметь
Загривок
Загс
Загул
Задаваться
Задира
Задолженность
Задумчивость
За здравие
Зазноба
Закавыка
Закалка
Закиснуть
Заклевать
Закон
Закусочная
Заливать
Замок
Занавес
Запарка
Запретный плод
Запросто
Затюканный
Заяц
Звон, звонарь
Здоровье, здоровяк
Здравомыслие
Зебра
Зевать, зевота
Земляк
Зефир
Зигзаг
Зло, злоба
Злодей
Змеевик
Змей
Знакомая
Знахарь
Золото
Зоосад
Зритель
Зуб, зубоскал
Зуд
Зять

И.

Иголки (на иголках)
Игра, играючи, игрок
Игрушки
Идеалист
Идиллия
Иезуит
Иждивенец
Избалованность
Избранница
Изнанка
Износ
Икона
Иллюзия
Именинник (ца)
Имитация
Империалист
Импорт
Индюк
Инспектор
Институт
Интеллигент
Интервенты
Интуиция
Интурист
Исповедь
Испытания
Истерика
История

— Что ни говори, наш дом — красавец. Как белый лебедь...

Рисунок Г. ИОРША

ИМИТАЦИЯ КИПУЧЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

«Дело не в том, чтобы делать дело, а в том, чтобы делать вид, будто делаешь дело».

Б. Сергеев, г. Черкассы.

ГНЕВ — ХОРОШИЙ СОВЕТЧИК

Да, я утверждаю это вопреки распространенной пословице, имеющей противоположный смысл. Когда мне случается попасть впросак перед начальством, то я сразу же начинаю гневаться, и это действует безотказно.

Мне, инженеру отдела снабжения, поручили добыть серную кислоту, без которой через два дня остановится производство.

С самого раннего утра я мотался по городу в поисках запасных частей к нашему домашнему холодильнику «Ока» и о кислоте вспомнил только к вечеру.

Начальник встретил меня угрюмо:

— Где это вы шлялись целый день и, наверное, без толку?

Я жму на потайную кнопку и нагнетаю порядочную дозу гнева.

— Скажите, а вы отпустили вчера Веткину десять тонн профильного железа?

— Отпустил. Он же обещал нам помочь...

— Хороша помощь! — повысив голос, говорю я.— Пришел к нему, говорю: «Позвони Корневу, пусть даст кислоты, он же твой друг!» «Нет,— отвечает,— сначала ты позвони своему приятелю Сучкову, чтобы выписал фанерной дощечки».

— Что же Сучков?

— А он,— уже трясясь от возбуждения, говорю я,— все излишки дощечки отдал Почкину — за кирпич. Звоню Почкину, а у него телефон испорчен. Эти телефонные монтеры совсем развинтились. Кстати, бригадиром у них ваш сосед Кронов. Бездельник, каких свет не видал. Только и знает, что по халтурным заявкам бегать, пятерки сшибать.

— Съездили бы тогда к Почкину, что ли,— уже примирительным тоном говорит начальник.

— Поехал! — уже вне себя от гнева кричу я.— Пока добирался к чертям на кулички, два часа потерял. Водители автобусов разболтались — дальше ехать некуда. А Почкина, конечно, и след простыл. Нет, это не коллеги-снабженцы, а разбойники с большой дороги. Всех бездельников надо вывести на чистую воду! И в первую очередь Кронова!

— Ну уж, батенька, его вы не трогайте,— совсем ласково говорит начальник.— Он только что мне дома телефон установил и два разноцветных аппарата достал. И вообще, дорогуша, не надо так все близко к сердцу принимать. Давайте, я уж сам похлопочу насчет серной кислоты. А вы отдохните, небось, за день-то намаялись. Загляните в буфет, там, говорят, свежее пиво привезли...

БОЛЬШОЕ ДЕЛО — МЕТОДИКА

Хотя я лично такого взгляда на методику не разделяю, но все так говорят. Особенно инспектора районо. И вот надо было так случиться, что во вверенную мне школу собрался приехать районный инспектор для проверки именно этой методической работы.

Раненько утром побежал я по газетным киоскам, книжным магазинам нашего микрорайона и накупил кучу журналов. Брал все что попадется: «Народное образование», «Советскую педагогику», «Математику в школе», «Химию в школе» и т. д.

Принес эту толстую кипу к себе в кабинет, разложил на столе. Глянул: получается нехорошо. У проверяющего может сложиться впечатление, что стол директора школы захламлен и, следовательно, он еще не овладел культурой труда. Пришлось журналов поубавить. Потом я брал любой из них, делал закладки и красным карандашом подчеркивал текст. Конечно, наугад. Нашел за шкафом портреты Ушинского, Макаренко, Песталоцци, обтер с них пыль и аккуратно развесил на стенах.

Как я и ожидал, инспектор был приятно поражен внешним убранством кабинета и той периодикой, которая лежала на столе. Заметив его поощрительный взгляд, я сказал:

— Вы, конечно, знаете, коллега, что работа директора на девяносто процентов состоит из чисто административных функций. Но и от науки отставать не хочется. Чертовски некогда, но хотя бы за журналами приходится следить...

Гость взял один из журналов и стал его листать.

— Вы еще не видели этого номера? — спросил я.— В нем есть одна любопытная статья.— И я тут же назвал ее.— Автор высказывает довольно интересные мысли о педагогическом процессе. Я уже рекомендовал учителям прочитать эту статью. Думаем обсудить.

Я вел беседу в таком вот духе, и инспектор ушел довольный. А вскоре появился приказ заведующего районо, в котором хорошо оценивалась методическая работа в нашей школе. И, что особенно важно, в приказе говорилось: директор (то есть я), несмотря на занятость чисто административными делами, проявляет живой интерес к методике преподавания...

КАК ВЫКОПАТЬ ЯМУ?

— Возьми лом, лопату,— сказал мне мастер,— и выкопай яму под фундамент. Новый станок тебе устанавливаем.

Получить новенький станок, известное дело, каждому лестно. Но копать яму? Избави бог!

Поковырял я немного землю, засунул туда обломок крепкого наждачного камня, закурил и стою, жду. Подгадываю момент, когда начальство в цехе появится. Дождался. Идет начальник цеха, а с ним сменный инженер и мастер. Схватил я пневматический бур, нащупал камень и нажал что есть силы. Искры, песок так и брызнули из-под бура.

Подходят ко мне командиры производства, останавливаются.

— Что здесь происходит? — спрашивает начальник цеха.

— Новый станок собираемся поставить,— поясняет мастер.— А он яму под фундамент готовит. Да, видно, земля твердая попалась.

— Не земля — кремень! — говорю я и жму на бур.

— Этак он у вас целую неделю ковыряться будет,— замечает начальник цеха.— Тут опытные землекопы нужны.

Сказано — сделано. Присылают мне сразу пятерых помощников. И они, шутя и играя, выкопали отличную яму.

Под моим неослабным руководством, конечно...

ЕСЛИ ПО-БЫСТРОМУ...

Еще с вечера я решил: завтра на работу не пойду, займусь домашними делами. Да, и по правде сказать, хлопотная работа у нас, колхозных электриков. Одному что-то включи, другому выключи. Набегаешься за день — ноги гудят. Не пойду, решил я, устрою себе тайм-аут, как говорят по телевизору баскетбольные комментаторы. Но ведь и просто так не пойти нельзя, надо хоть людям на глаза показаться.

Встал я раненько утром и бегом в правление. Сосед из огорода кричит:

— Куда ты, Семен, спозаранку?

— Беда,— отвечаю ему,— перекидку через Волчью балку порвало!

А сам ходу, ходу... Делаю вид, что некогда мне тарыбары разводить. Таким вот быстрым аллюром вбегаю в правление. Тут, кажется, все уже в сборе: бригадиры, заведующие фермами, механики. Я осматриваюсь и про себя соображаю: кого нет? Так и есть: Дарья с самой дальней птицефермы не пришла, не любит она этих планерок...

— Дарью,— спрашиваю,— не видели?

— Нет,— отвечают.— А что случилось?

— Да рубильник у нее на ферме подгорел. Если увидите, скажите, что я к ней побежал.

— Топай, топай! — говорит председатель.— А если случится что, мы Саньку (мой сменщик) покличем, хоть и выходной у него сегодня.

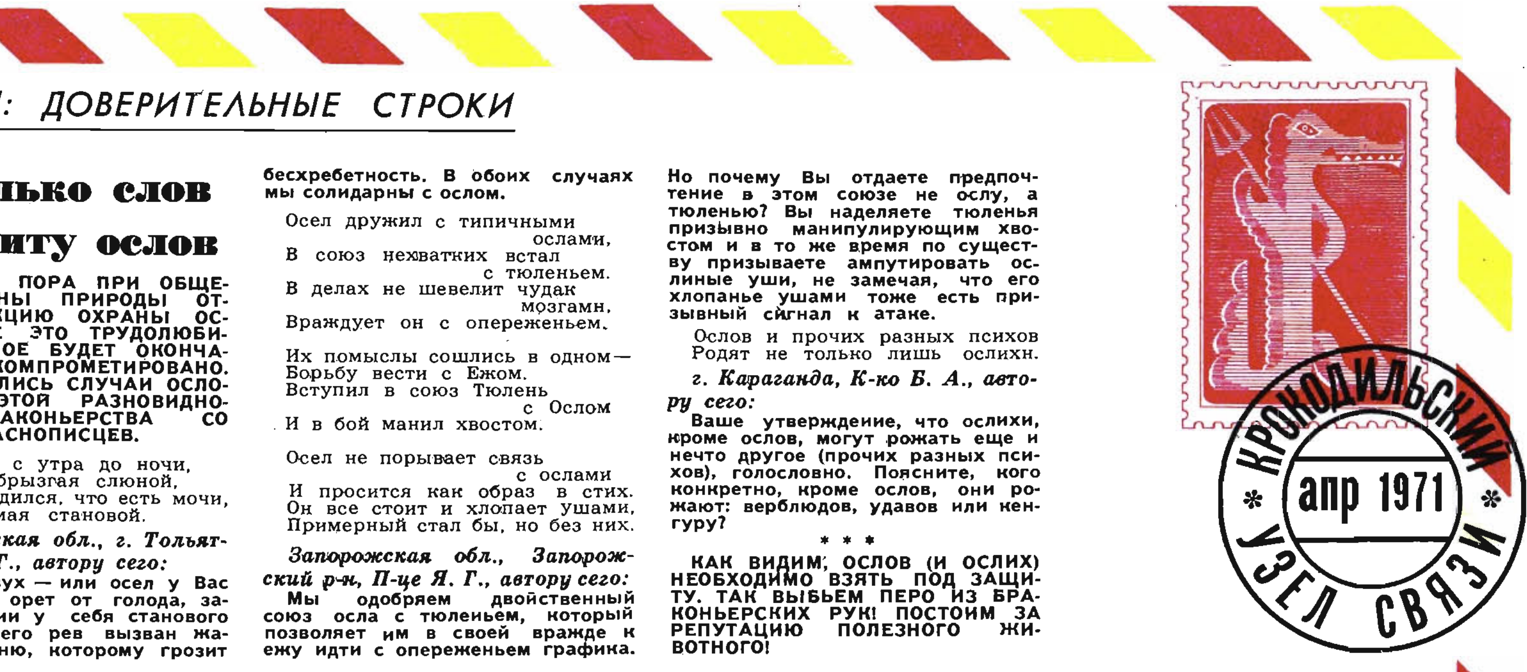
— Спасибо! — кричу я с порога. И все бегом, бегом, чтобы видели правленцы. По нашей главной улице двигаюсь, потом в проулок сворачиваю да садами, огородами в свой двор.

И целый день лежу на печке. А проводка, всякие там рубильники, перекидки — с ними полный порядок. Электрифицировали наше хозяйство шефы. Сделали ребята все так надежно, что не подкопаешься!

Консультации вел заслуженный имитатор КД

М. ГРИГОРЬЕВ.

Ему помогали читатели: М. Шейнин (г. Ставрополь), С. Кривоногов (с. Бараба, Кетовского района, Курганской области), Р. Файзулин (г. Кушва, Свердловской обл.), Н. Баландин (с. Красновидово, Камско-Устьинского района, Татарской АССР), Л. Глуз (г. Черкесск).

ПОЭЗИЯ: ДОВЕРИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ

Несколько слов в защиту ослов

НАВЕРНОЕ, ПОРА ПРИ ОБЩЕСТВЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ ОТКРЫТЬ СЕКЦИЮ ОХРАНЫ ОСЛОВ, ИНАЧЕ ЭТО ТРУДОЛЮБИВОЕ ЖИВОТНОЕ БУДЕТ ОКОНЧАТЕЛЬНО СКОМПРОМЕТИРОВАНО. ИБО УЧАСТИЛИСЬ СЛУЧАИ ОСЛОВЫПАДОВ, ЭТОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ЛИТБРАКОНЬЕРСТВА СО СТОРОНЫ БАСНОПИСЦЕВ.

Осел ревел с утра до ночи,
Старался, брызгая слюной,
А конь трудился, что есть мочи,
Хребет ломая становой.

Куйбышевская обл., г. Тольятти, М-ву Я. Г., автору сего:

Одно из двух — или осел у Вас некормлен и орет от голода, забыв о наличии у себя станового хребта, или его рев вызван жалостью к коню, которому грозит бесхребетность. В обоих случаях мы солидарны с ослом.

Осел дружил с типичными
ослами,
В союз нехватких встал
с тюленьем.
В делах не шевелит чудак
мозгами,
Враждует он с опереженьем.

Их помыслы сошлись в одном —
Борьбу вести с Ежом.
Вступил в союз Тюлень
с Ослом
И в бой манил хвостом.

Осел не порывает связь
с ослами
И просится как образ в стих.
Он все стоит и хлопает ушами,
Примерный стал бы, но без них.

Запорожская обл., Запорожский р-н, П-це Я. Г., автору сего:

Мы одобряем двойственный союз осла с тюленьем, который позволяет им в своей вражде к ежу идти с опереженьем графика. Но почему Вы отдаете предпочтение в этом союзе не ослу, а тюленью? Вы наделяете тюленья призывно манипулирующим хвостом и в то же время по существу призываете ампутировать ослиные уши, не замечая, что его хлопанье ушами тоже есть призывный сигнал к атаке.

Ослов и прочих разных психов
Родят не только лишь ослихи.

г. Караганда, К-ко Б. А., автору сего:

Ваше утверждение, что ослихи, кроме ослов, могут рожать еще и нечто другое (прочих разных психов), голословно. Поясните, кого конкретно, кроме ослов, они рожают: верблюдов, удавов или кенгуру?

* * *

КАК ВИДИМ, ОСЛОВ (И ОСЛИХ) НЕОБХОДИМО ВЗЯТЬ ПОД ЗАЩИТУ. ТАК ВЫБЬЕМ ПЕРО ИЗ БРАКОНЬЕРСКИХ РУК! ПОСТОИМ ЗА РЕПУТАЦИЮ ПОЛЕЗНОГО ЖИВОТНОГО!

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

ТРИ ТОПОЛЯ НА ПЛЮЩИХЕ

Летом прошлого года в № 17 «Крокодила» была заметка о баянной фабрике, которая работает у нас на Плющихе.

Эта фабрика регулярно валит кучи плашек во дворе нашего дома, заваливая наши тополя, посаженные когда-то на воскреснике.

После заметки Ленинский райсовет запретил замусоривать нашу территорию, а директор баянной фабрики А. К. Гинзбург пообещал, что не тронет больше наших тополей своими музыкальными плашками.

И вот что из всего этого получилось.

г. Москва. **В. ДОРСКИЙ**

В ПИКОВОМ ПОЛОЖЕНИИ

В № 1 журнала «Крокодил» за 1971 год я прочла корреспонденцию «В автобусе за сервисом». Там сказано о междугородных автобусах.

А вот место действия поближе: г. Москва, Советский район. Автобусы маршрутов № 156 и № 32 в часы «пик» должны курсировать каждые три минуты. На деле они курсируют реже, чем через полчаса.

Теперь мне понятно, что такое попасть в «пиковое положение».

Л. С. ГЛЕК

ОТ РЕДАКЦИИ. Если это может в какой-то степени утешить тов. Л. С. Глек, сообщаем, что в гор. Гурьевске, Калининградской области, пассажирам приходится дожидаться автобусов маршрута № 103 по нескольку часов.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ПЛАТИТЕ РУПЬ!»

Захотелось как-то вечером тов. Павловскому, остановившемуся в центральной гостинице гор. Павлограда, отдохнуть в красном уголке, почитать газеты и журналы. Только он принялся за чтение, как с него потребовали заплатить рубль за то, что в комнате стоит телевизор...

И как ни доказывал тов. Павловский, ссылаясь на типовые правила гостиниц, что дополнительная плата взимается только за телевизор, холодильник, радиолу и прочее оборудование, установленное в номере для индивидуального пользования, пришлось ему раскошелиться.

Об этом рассказывалось в заметке «Платите рупь!» («Крокодил» № 30, 1970 г.).

Как сообщил редакции председатель исполкома Павлоградского горсовета тов. А. Соболь, за неправильное применение типовых правил гостиниц заведующему горкоммунхозом тов. А. Шипило строго указано.

«С КОРОВОЙ ПО ИНСТАНЦИЯМ»

В фельетоне под таким названием (№ 34, 1970 г.) рассказывалось о злоключениях коровы Зорьки, которую ее владелец колхозник Алексей Минаков тщетно пытался сдать на приемный пункт откормочного совхоза «Свобода». Из-за плохого состояния помещений совхоз долгое время не принимал у населения скот.

Как сообщил редакции секретарь Жиздринского райкома КПСС тов. Муравьев, за недостатки в подготовке животноводческих помещений и задержку приема скота директор совхоза «Свобода» тов. Некрылов строго предупрежден.

В 1970 году весь частный скот, предназначенный для продажи государству, у населения принят.

Опять начальника лесоучастка Николая Утарасова вызвали в партком леспромхоза.

— Ну и дров же вы наломали, дорогой товарищ! — сказали ему там так фигурально, что он закурил и задумался.

— Но мы вас выведем на чистую воду! — так же загадочно добавили в парткоме, и это тоже озадачило.

Вообще лесоучасток Утарасова как раз славился тем, что твердо работал по принципу: «Чем дальше в лес, тем меньше дров». А сам Утарасов к тому же неутомимо любил дурные напитки.

Однако в партком он явился удручающе трезвым, и от этого фигуральные выражения были для него теперь темным лесом.

Хорошо, хоть на прощание какой-то намек сделали. Сказали:

— Еще раз в рабочее время напьетесь — будет вам хорошая баня!

И над этим намеком Николай Утарасов думал всю дорогу, пока ехал к себе домой. Но все равно в душе была сумятица, а в голове туман стоял.

Так что на следующее утро он решил прояснить голову, чтоб хорошенько обмозговать парткомовские слова.

Прояснил разок — не обмозговывается.

Добавил для ясности — смотрит: чего-то уже вырисовывается.

Он для полноты картины еще добавил — и так тут все хорошо по полочкам разлеглось-разложилось, что вообще хорошо стало.

И он по-хорошему устремился в поселковую баню.

— Здравствуй, Варя! С приветом к тебе Коля! — весело поприветствовал он гардеробщицу.

— Тпру! — строго сказала гардеробщица.— Сегодня среда!

— А вчера вторник был! — согласился Утарасов.— А я в парткоме был!

— Дамский день сегодня! — напомнила гардеробщица.

— Но я выпивши! — объяснил Утарасов.— Ну прямо весь выпивши... А партком такое решение вынес, что как я только чего-нибудь выпью, так обязан в хорошую баню явиться... На чистую воду!

И он направился в предбанник.

— Куда?! — ужаснулась гардеробщица. — Да еще с папиросой!

Но он уже вошел в предбанник и запер дверь на крючок.

В предбаннике было пусто, никто не мешал. Тут он совсем распоясался и в самую баню вступил со словами:

— Здравствуйте, товарищи женщины!

И тут такое завытворялось, что он едва на ногах устоял.

— Глупые, я же свой! — перекрыл он шум.— Весь, как есть, перед вами!

Но даже такие простые слова не дошли до окружающих. И даже наоборот: мимо него пустая шайка просвистела.

— Товарищ Колесникова! — разглядел он.— С легким паром!

Но товарищ Колесникова, как депутат сельского Совета, уже решительно осуществляла руководство событиями. Метнув еще одну шайку, а потом еще три, она, несмотря ни на что, загнала незваного гостя в угол, а оттуда с помощью подоспевших на помощь гардеробщицы и уборщицы его вытолкали в пустовавшую парную и кое-как приперли дверь.

Но одному в парной было скучно, и он вновь сделал удачную вылазку в общий зал, где торопливо домывались его землячки и сослуживицы.

— Опять?! — грозно встрепенулась стоявшая на часах гардеробщица.— Да еще с папиросой!

А депутат Колесникова так швырнула в него очередной шайкой, что он даже поморщился.

— Вот заладила одно и то же! — бросил он в ее адрес справедливый упрек.

Действительно, чего стараться, когда весь поселок знает: Утарасов — такой человек, что его шайками не закидаешь.

Однако на сей раз сухим из воды он все же не вышел, потому что подкравшаяся сзади уборщица окатила его с головы до пят ледяной водой, и он чуть было не схлопотал из-за этого воспаление легких.

Сбылись парткомовские слова: и баня товарищу Утарасову была после выпивки и на чистую воду, можно сказать, вывели...

Да, а грозившее ему после чистой холодной воды воспаление легких товарищ Утарасов удачно предотвратил потом при помощи спирта. Спирт тоже был чистый.

Е. МАТВЕЕВ.

Тюменская область.

— Будь мужчиной, бросай курить!

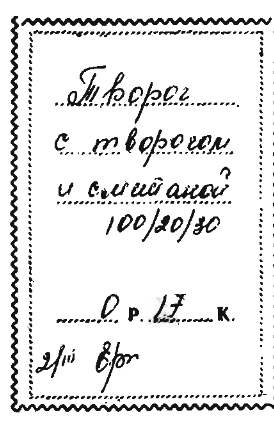
Рисунок Г. АНДРИАНОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

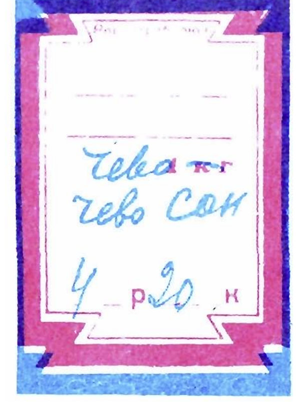
(Ценник в минском гастрономе № 1)

Прислал Г. Чапурин.

(Ценник в столовой № 15 г. Северодвинска)

Доставил Ю. Горбунов.

(Ценник конфет «Чио-Чио-Сан»)

Прислал Н. Миронов, село Лесное, Калининской области.

«ТОВ. ПОКУПАТЕЛИ!

МОТЫЛЬ И ДРУГИЕ ПРИРОДООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ТОВАРЫ МАГАЗИН ОТПУСКАЕТ ТОЛЬКО ЧЛЕНАМ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ.

ВСТУПАЙТЕ В ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ.

Общество охраны природы».

(Объявление в магазине «Природа»)

Копию снял Ю. Черных, г. Чебоксары.

(Реклама Центрального универмага Целинограда)

Прислал А. Шипилов.

Инспектор подходит к рыбаку:
— Мосье, почему вы ловите рыбу в неположенном месте?
— Я не ловлю, мосье, я купаю червяка.
— Дайте мне взглянуть на него! Платите штраф.
— За что?
— За то, что он без купальника.

— Это правда, что ты женился весьма романтичным способом — украл свою будущую жену?
— Правда.
— А ее родители не устроили погоню?
— Устроили.
— И не настигли?
— Настигли и теперь живут у нас...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

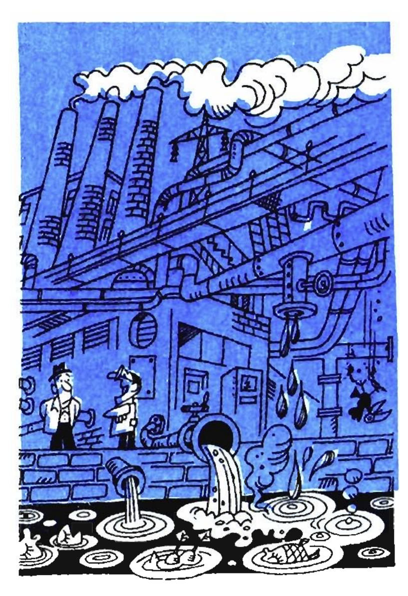
Рыболов хвалится:
— Что вы там толкуете о крупных уловах, парни! Вот я прошлой осенью поймал такую треску, что только ее фотография весила четыре килограмма!

●

— Ты что такой грустный?
— Хотел разменять 500 долларов.
— Неужели это так трудно?
— Легко, но у меня их нет.

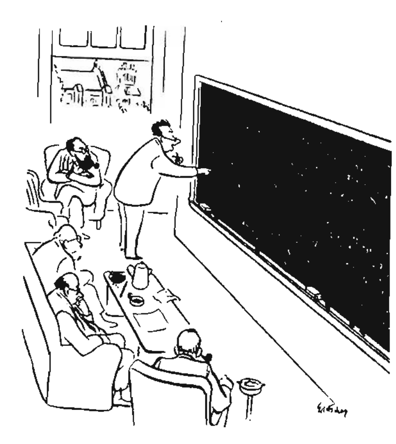
●

— В Америке все делается с ужасающей быстротой. Например, утром вы проходите мимо строящегося небоскреба, у которого готов только первый этаж, а вечером, проходя мимо, вы видите, как из верхних этажей выгоняют жильцов, не уплативших за квартиру.

— Что мы производим? Приборы для очистки воды.

«Ойленшпигель», ГДР.

— Послушайте, я, кажется, знаю, где мы ошиблись. Ведь шестью восемь — сорок восемь!

«Харперс», США

Мариан ЗАЛУЦКИЙ

(Польша)

БЛУДНЫЙ СЫН

Примерный отец,
Добряк, семьянин,
Любит традицию и порядок.
Все ясно и просто.
А вот его сын —
Черт знает что!
Куча загадок.
Люди присматриваются
К нему:
Не хитрый, не скрытный,
Наоборот.
И не подложит свинью
никому,
Вроде порядочный —
Но не пьет!
Человек образованный,
не дурак,
А уклоняется.
Как же так?!

Известно давно:
Кто выпьет рюмашку,
Тот парень свой,
Душа нараспашку!
А кто ие пьет,
Тот тайна, проблема,
Тот на манер
Капитана Немо.
Отец не раз говорил мне
с тоской:
«Никак не пойму,
В кого он такой!
Знают все:
Алкоголь — это яд.
Но все же
В отделах с вином
Не пусто ведь.
Сейчас только
дети просто едят,
А взрослые люди сейчас
Закусывают.
За рюмкой устроить
куда веселей
Свадьбу, развод,
повышение в звании,
Шубу-дубленку, и юбилей,
Ну и, конечно,
Ремонт в новом здании:
Придут штукатуры
Ясик с Микухой,
Начнут под лестницей,
Кончат — «под мухой»...
Непьющему трудно.
Он всюду некстати,
И если во всем
разобраться детально,
Без рюмки он,
Как документ без печати.
И как же он хочет жить?
Нелегально?!
Может, это пустяк для него.
А родителю каково!»...

Мальчика я защищал, как умел:
«Видимо,
Молодость в нем говорит.
Простите его.
Еще не дозрел.
Сам не ведает,
Что творит!»

Перевел Николай КНЯЗЕВ

Э. ЛЕППЕК (ГДР)

ЖЕРТВА

Время близилось к полуночи, когда по улице пронеслась легковая машина и свернула на автостоянку. Из машины вышли трое мужчин. Четвертый попытался тоже вылезти, но другие втолкнули его обратно.

— Пустите! — кричал тот, отчаянно размахивая руками.

— Замолчи! — послышалось в ответ. — Все равно тебе придется остаться!

— А ну, вяжите его! Да не шуми ты, а то еще заметит кто-нибудь, — сказал третий.

Они заклеили ему рот широким липким пластырем, стянули веревкой руки за спину, а затем накрепко связали и ноги. Все произошло мгновенно, никто ничего не заметил.

Когда полицейский ночного патруля подошел к стоянке, трое мужчин уже успели скрыться. Вахмистр заметил в машине неподвижно сидящего человека, но хорошенько его не рассмотрел, так как на того падала тень. Вахмистр спокойно продолжал свой путь. Лишь проходя мимо машины второй раз, полицейский удивился. Странно: человек сидит, не меняя положения. Он подошел к машине и постучал в стекло.

— Алло! — сказал он. Не получив ответа, он достал из кармана электрический фонарик, посветил сквозь стекло и увидел связанного. — Кто напал на вас? — Он сорвал у человека пластырь со рта. — Я сейчас же вызову оперативников!

— Нет, нет, не надо! — пробормотал человек.

— Почему не надо? — спросил озадаченный полицейский.

— Потому что я стал жертвой не бандитов, а правил уличного движения.

— Вы что, свихнулись?

— Нисколько, — ответил печально человек, — просто друзья отправились в ночной бар. Должен же кто-нибудь остаться трезвым, чтобы потом вести машину...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Пословицы

Если хочешь иметь цыплят, позволь курице кудахтать.

(Индонезийская)

Не фокус быть ангелом, если ты уже в раю.

(Итальянская)

Плохо доктору, если никому не плохо.

(Французская)

Можешь назвать страуса коровой, но молока от этого не будет.

(Арабская)

Новая метла хорошо метет, а старая видит, где мусор.

(Турецкая)

Вмешивайся только в свои дела.

(Английская)

Противопожарная лекция.

«Вие нуове», Италия

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

КРОКОДИЛ

№ 11 (1985)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, А. Грунин, Л. Ельнович, Г. Иорш, Ф. Куриц, Н. Лисогорский, А. Семенов, Н. Скрипников, В. Соловьев, Ю. Степанов, О. Теслер, Ю. Узбяков, Ю. Черепанов, Е. Шабельник.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 1/IV 1971 г. А 00875. Подписано к печати 9/IV 1971 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч-изд. л. Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94. Тираж 5.000.000 (2 завод: 3.640.101 — 4.133.800). Заказ № 02232.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

— Опять Москва предложила оставить только такое ядерное оружие.

Рисунок Е. ШУКАЕВА